Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и война

Военно-научный журнал.

Сборник первый.

Издание инспекции военно-учебного дела западного фронта.
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ.

1920.

2-ая Советская типогр. в Минске.









Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЙНА

ВОЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

Сборник первый.



Издание инспекции военно-учебного дела западного фронта.
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ.

1920.

2-ая Советская типогр. в Минске.

СОДЕРЖАНИЕ:



От редакции.

Революция и война стали в центре всех явлений нашей жизни. На закрепление за народом плодов октябрьской революции и оборону страны от ее империалистических врагов направлены в настоящее время все усилия России. Вооруженная борьба Советской России за существование имеет уже свою историю. Правда, всего два с лишним года насчитывает красная военная летопись. Но эти два года равняются многим предшествующим десятилетиям.

Правдиво описать и теоретически осмыслить события последних лет—основная задача нашего журнала.

Гражданская война, в отличие от войн империалистических, династических и национальных, имеет свои специфические особенности. Война 1918—1920 г.г. резко отличается от всех предшествующих войн. Сходясь в одном с империалистической войной 1914—1917 г. в другом—с войнами Великой Революции и гражданской войны Севера с Югом в Америке, она в существе своем остается глубоко индивидуальной. Цели войны, способы ведения, наконец, классы ведущие ее в корне отличаются от тех же моментов в предшествующих войнах.

Мы с уважением относимся к существующей военной доктрине и к деятелям военной науки. Страницы нашего журнала открыты для всех, желающих поделиться своими знаниями и опытом с деятелями Красной армии. Дельная статья или заметка—всегда найдет себе место в журнале.. Но мы далеки от рабского преклонения перед прошлым, в особенности—перед теоретической непогрешимостью и неизменностью того, что создано войной 1914—1918 г. Реакционность и рутина всегда губили живое дело. Поэтому с людьми, „ушибленными" империалистической войной и лишенными способности к дальнейшему развитию, нам не по дороге.

Под критический пересмотр все старое, как бы многие с ним не свыклись!

Только то, что выдержит суровый экзамен гражданской войны и устоит в грозе и буре социалистической революции, будет для нас ценным. Все остальное принадлежит архиву и истории.

Журнал выходит в свет во время войны с белой Польшей. В первую голову нужды Западного фронта получат освещение на страницах его. Командиры, комиссары, политработники и красноармейцы—основные сотрудники журнала „Революция и Война". Для них журнал издается и их к товарищескому сотрудничеству редакция приглашает. Само собой понятно конечно, что страницы журнала открыты для всех интересующихся проблемами войны и строительства армии.

Редакционная коллегия.

Ф. Огородников.

Война и Революция.

I.

Не раз бывали времена, когда война направлялась против революции, а революция против войны. Между тем, это родные сестры. Обе решают вопросы применением силы, обе приносят разорение и в то же время выводят жизнь народа из застоя, обе зависят от политических, общественных и экономических условий этой жизни. Естественно поэтому, что они не могут развиваться без взаимной зависимости.

Но в чем эта зависимость и как она складывается?

Современная нам рабоче-крестьянская революция еще развивается, поэтому на поставленный выше вопрос нельзя ответить без исторических справок. Не уходя слишком далеко в глубь веков, мы сделаем это лишь настолько, чтобы вернее подойти к настоящему.

Поэтому мы остановим не надолго наше внимание на Великой Французской Революции, с предшествующей ей эпохой абсолютизма и последующими Наполеоновскими войнами, а затем обратимся к эпохе милитаризма и к современной рабоче-крестьянской революции.

II.

Эпоха абсолютизма.

В начале этих времен образцом военного устройства была Франция, в которой абсолютизм достиг своего расцвета при Людовике XII.

Политическая и экономическая основа этой системы заключалась в торжестве абсолютной королевской власти над вассалами и городами и в меркантильной системе государственного хозяйства, которая сама являлась порождением тогоже абсолютизма. Меркантильная система возникла из широкого денежного обращения и вызванного этим обращением товарообмена. Основным положением этой системы явился тот

взгляд, что богатство каждой страны заключается в деньгах; одновременно сторонники меркантилизма считали, что народное богатство создается и обеспечивается исключительно распоряжениями правительства.

Вполне естественно, что абсолютизм, в соединении с меркантильной системой, ставил на первый план для пополнения армии наем солдат или вербовку.

Одновременно вербовка отвечала тогдашнему состоянию народных масс совершенно отстраненных от всякого участия в правительственных распоряжениях.

Предпринимаемые королевской властью походы и войны для расширения династических прав или с меркантильными целями, были чужды интересам народа.

Тем не менее, эти войны требовали так много солдат,*) что одних денег было недостаточно. Требовался непосредственно людской материал, который и давали насильственные рекрутские наборы.

Но, в конце концов, армии, при всех усилиях абсолютизма, далеко не достигли современных. В 1752 году активная сила Французской армии измерялась цифрой в 164.000 человек, из которых более одной трети составляли иностранцы: швейцарцы, итальянцы, немцы, ирландцы и венгерцы.

После французской армии времен Людовика XII на арене правительственных войн особенно отличалась прусская армия, созданная усилием Фридриха Вильгельма I-го, в руках его сына и преемника—Фридриха Великого.

В этой армии в мирное время почти половину армии составляли навербованные иностранцы. Но, кроме вербовки иностранцев, в Пруссии для „туземцев“ уже существовал род воинской повинности, в форме „конскрипции“.

Конскрипция не была однако всеобщей повинностью. Из политических и меркантильных соображений от нее освобождались во первых—дворяне, а во вторых, длинный ряд других

*) Между прочим, употребляемое до ныне слово „солдат“ тесно связано с наемничеством, так как происходит от латинского слова Solidus, которое означает в прямом смысле толстую монету, а в переносном-жалованье, плату.

лиц: богатые горожане, сыновья духовных лиц, часть помещичьих слуг, некоторые категории ремесленников и, наконец, прямо целые города и округа, где правительство поддерживало какой-либо вид промышленности.

В основе прусской армии были те же начала, что и во французской, но они были проведены лишь со свойственной немцам системой и последовательностью.

Австрийская армия была устроена на подобие французской и прусской, но без кантонистов, преимущественно на началах вербовки.

Таковы были армии, с которыми столкнулась новая французская армия после революции.

Достоинства их со специально военной точки зрения заключались в развитии военной дисциплины и военной техники.

К этому времени огнестрельное оружие уже настолько усовершенствовалось, что вошло во всеобщее употребление, окончательно вытеснив пику. Явились роды оружия кроме пехоты, которая сделалась главным из них, и конницы, которая сохранила еще разделение на легкую и тяжелую, явилась артиллерия, хотя и недостаточно сильная и подвижная, а также инженерные войска.

Короче говоря,— были положены начала регулярных армий, правильно организованных, с правильными началами снабжения.

Но за этими преимуществами скрывалось много недостатков.

Постоянные наемные армии, были проникнуты военным духом, но это был дух военной касты, а не дух народа.

Они шли туда, куда их вела военная дисциплина, но их не влекли общенародные или даже национальные задачи.

Командный состав комплектовало исключительно привиллегированное дворянство, которое возвышалось на службе не по знаниям и подготовке, а по своему происхождению, что не могло не отразиться на командовании.

Пополнение армий иностранцами, бедняками, взятыми обманом и насилием, думавшими только о том, чтобы спастись от ненавистной военной службы и, наконец, всякими отбросами населения, которые шли на военную службу за неимением лучшего выхода, все это создавало условия, при кото-

рых другой дисциплины кроме палочной и не могло проявиться.

Но от этого зависили и все приемы действий, вся тактика и стратегия.

Тактика не допускала свободных полевых действий на разнообразной и пересеченной местности, не допускала одиночных действий или мелкими группами, все было основано на точном применении строевого устава, на ломке фронта и других эволюциях.

Применение войск было сковано „линейными" построениями.

При таких условиях требовалась чрезвычайная выучка войск и чрезвычайные таланты таких полководцев, как Фридрих Великий, чтобы выигрывать тактические победы на поле боя.

Стратегия была еще более скована, чем тактика. Прежде всего, она не могла свободно выбирать поля боя. Нужно было избегать населенных пунктов, перелесков и вообще пересеченной местности, отыскивая открытых полей сражений, чтобы применить тогдашнее тактическое искусство. При остановках надо было также избегать селений, располагать войска биваком в строгих построениях, принимать не только меры против внезапного нападения противника, но и против побегов несчастных наемников.

Ненадежность войска не допускала довольствия местными средствами, поэтому все снабжение было основано на подвозе. При отсутствии железных дорог была тщательно разработана целая система движения транспортов и обозов,—так называемая пяти—переходная система, которая не допускала удаления от базы далее 100 верст; наконец, основное орудие стратегии, т. е. армия, по своим качествам и размерам, годилась вообще для решения династических и меркантильных задач в близлежащих областях, или для небольших экспедиций в более отдаленных странах, но мало соответствовала более широким планам завоевательного характера, и столь же мало могла от них обеспечить, если бы противник с'умел отрешиться, прежде всего, от мало пригодных способов пополнения армии и создал более грозное орудие войны на других началах.

III.

Великая Французская Революция.

Именно такое грозное орудие войны и создала Великая Французская Революция.

Это орудие защиты революции и войны было создано не сразу.

Учреждение Лафойетом в 1789 году национальной гвардии уже сопровождалось вдохновенным об'яснением, которое призывало в ее ряды всех граждан. Но Учредительное собрание лишь перед самым своим роспуском в 1791 году определило организацию национальной гвардии общим законом.

Конституция 1789—1791 г. г. отказалась осуществить организацию национальной армии по проэкту ДЮБУА-КРАСНЕ и ограничилась лишь реорганизацией королевской армии, которая не была распущена.

Был упорядочен способ вербовки, установлен срок найма, увеличено жалованье, упразднена раздача чинов. Прежние названия полков заменены номерами.

На другой день после бегства короля, Национальное собрание предложило солдатам Национальной гвардии записываться добровольцами в народную армию, которая должна была составить как бы вторую активную армию, на ряду с линейной; когда в 1792 году началась война против прусско-австрийской коалиции, Законодательное Собрание об'явило „отечество в опасности", но даже и на этот раз дело ограничилось только усиленным набором из национальной гвардии, но не призывом всего народа.

Такой призыв,—как говорит Жорес,—означал бы признание за всеми одинаковых прав на революцию, между тем за военной силой желали сохранить консервативный, буржуазный характер.

Только с переворотом 10 августа 1792 года (арест короля) когда Законодательное Собрание вынуждено было признать полномочия Коммуны и разделить с нею управление страной, было уничтожено различие между активными и пассивными гражданами и введена система всеобщего голосования. С этого времени Национальная Гвардия, служившая источником ком-

плектования для армии, сделалась доступной для всех; вместе с тем армия могла сделаться вооруженным народом.

Начало борьбы с европейскими коалициями было неудачно для Франции, которая была не готова ни к наступательной, ни к оборонительной войне. Военный комитет расчитывал открыть кампанию с армией в 400.000 как из регулярных, так и из волонтерных войск, но всего, за вычетом гарнизонов, оказалось не более 80.000. Между тем, прусская армия насчитывала 170.000 пехоты и 40.000 конницы. Наступление пруссаков и австрийцев ознаменовалось сплошным рядом паник и отступлений со стороны французов.

Но непосредственная угроза пределам Франции и революции и дерзкий манифест генералиссимуса герцога Брауншвейгского вызвали общий под'ем.

По выражению одного из современников,—манифест герцога Брауншвейгского—дал армию в 100.000 человек.

Между тем, австро-прусская коалиция действовала,—как и подобает коалиции,—врозь и крайне медленно. Прусская армия не дожидалась австрийской, но по правилам тогдашней стратегии двигалась медленно и теряла время на осаду крепостей.

20 сентября 1792 года произошла битва при ВАЛЬМИ. С каждой стороны оказалось около 55.000, с небольшим перевесом на стороне Французов.

В тактическом отношении битва не представляет ничего замечательного, но стойкость и более выгодное стратегическое положение французов, которые угрожали сообщениям противника, заставили пруссаков отступить.

Моральное значение этой победы было очень велико. Знаменитый германский поэт-философ ГЕТЕ, сопровождавший пруссаков, предвидя неизбежный ход исторических событий, сказал окружающим: „Сегодня на этом месте началась новая эпоха всемирной истории и вы можете сказать, что присутствовали при ее возникновении“.

Военная опора революции, несмотря на все ее недостатки, оказалась по крайней мере равносильной военной опоре правительственной власти. Дальнейшее зависило от того, какое направление примет сама революция. За успехом при ВАЛЬМИ последовал успех над австрийцами при ЖЕМАППЕ.

Мы не будем излагать дальнейших военных событий, которые слишком общеизвестны, чтобы на них останавливаться, да это и не составляет задачи настоящей статьи.

Не взирая на временные неудачи, на величайшие затруднения одновременной борьбы почти со всей Западной Европой, с участием во второй коалиции России, а также борьбы и с внутренними врагами, которые на некоторое время восстановили против Конвента 2/3 департаментов, революционная Франция вышла победительницей из всех испытаний, сделавшись сильнейшим из Западно-Европейских государств.

Посмотрим чему именно она была обязана этими успехами.

На первом плане всего естественнее поставить численное превосходство.

Закон 1793 года, составленный при участии КАРНО, призывал всех граждан от 18 до 25 лет, но только на время войны. Директория в 1798 году ввела конскрипцию, близкую к общей повинности, которая обязывала граждан от 20 до 25 лет служить „в зависимости от потребности". Кроме негодных к службе освобождались также и женатые.

Этими законами революция открыла для Франции такие источники для комплектования армий, какими не располагало ни одно правительство в Западной Европе. По твердости постоянной воинской дисциплины, армия,—это детище революции,—уступала „корелевским" постоянным армиям, но в ней был революционный порыв, смешанный с любовью к революционному отечеству, были общие идеи, которые об'единяли народные массы и двигали вперед для освобождения других народов от тиранов; дисциплина, во всяком случае, не нуждалась в палке и делала возможным не только ночлеги по квартирам и сбор продовольствия из местных средств, но допускала маневры на всякой местности уже не только в плацпарадных, но в каких угодно строях и даже без строев мелкими группами и в рассыпную.

Как стратегия так и тактика получили новые средства.

Стратегия получила возможность занимать широкие фронты, а затем сосредоточивать превосходные силы к месту главного удара, большими переходами, довольствуясь из местных средств и не опасаясь потерять связи с магазинами.

Она могла быстро переносить свои действия с одного театра на другой лишь бы в новом театре были достаточные источники снабжения.

Тактика получила возможность применять тиральерство (стрелковые цепи) для подготовки атаки или для обороны более выгодных позиций, двигать войска уже не в длинных линиях, медленным шагом (50 в минуту), но в коллоннах, в которых даже и менее обученные войска быстро наступали, меняли направления и маневрировали, прорывая или охватывая неповоротливые формы линейного строя. Таково было воздействие Великой Французской революции на стратегию и тактику.

IV.

Эпоха Наполеона.

Дальнейшее развитие военного искусства принадлежит эпохе Наполеона. Эта эпоха началась еще со времени его первых Итальянских походов (1796 год).

Что принесла эта эпоха для военного искусства?—Какие были причины тех военных успехов, которые обессмертили имя Наполеона в военной истории, а также и той неудачи, которая постигла в конце концов как самого Наполеона, так и Францию?

Основные причины успехов были в сущности продолжением и развитием причин, обеспечивших успехи Франции в эпоху великой Революции.

Прежде всего—это были широкие средства для создания численного превосходства и сильные двигатели народных масс.

К этому присоединилась военная организация уже определенно приспособленная к новым средствам, таланты великого полководца и вся созданная им военная техника.

Первоначальные средства, уже в очень широких размерах дала Французская Революция и ее завоевания.

Зорким оком честолюбивого полководца Наполеон понял, какую страшную силу они в себе заключают и поспешил умножить их, с одной стороны, давлением власти на французский народ, с другой—дальнейшими завоеваниями.

Одновременно он воспользовался для завоевательных планов и теми духовными началами, которыми жил французский народ в период революции. Эти начала не были так просты, чтобы на всем протяжении революции сливаться в один и тот же простой аккорд. Но при всех колебаниях в них одновременно звучали две ноты: стремление к свободе и патриотизм.

Из краткого очерка развития военного устройства Франции, мы видели, какое значение имел призыв: „отечество в опасности“. Эмигранты и враги Франции с насмешкой называли бойцов французской Революционной Армии „патриотами“ (в ковычках), но эти бойцы под угрозой извне и, под действием побед французского оружия, становились патриотами без всяких ковычек.

„Высокомерный и жаждавший завоеваний национализм— пишет Жорес,—испортил с самого начала воодушевление, вызванное независимостью и свободой... Робеспьер предвидел и предсказал все это, когда в 1792 году, в якобинском клубе один вступил в борьбу с военным воодушевлением народа, которое завело его значительно дальше, чем интриги жирондистов“.

Когда буржуазные стремления в революции окончательно восторжествовали и внутренние задачи революции были, таким образом достигнуты, жаждущий завоеваний национализм продолжал действовать.

Им то и воспользовался Наполеон для своих завоевательных планов.

Такому порядку вещей не мало способствовал изменившийся состав армии.

Закон 7 вентоза 1800 года, оставив в силе конскрипцию 1798 года, во первых,—разрешил заместительство, во вторых,—установил премии для добровольцев и в третьих,— предоставил усиленное жалованье капитулянтам, т. е. тем, которые добровольно обязывались более продолжительной службой.

Этот закон самым резким образом нарушал основные принципы всеобщей воинской повинности. Это был набор „профессионалов“ военного дела настоящих и будущих. Имея на некоторое время известные выгоды специально с военной

точки зрения, он разрывал связь армии с народом, отражением которого, армия не могла быть при таких условиях пополнения.

О поддержке революционных стремлений не могло быть и речи.

Но за то армия тем легче поддавалась „жаждущему завоеваний национализму“; она охотно шла за вождем, который давал ей одну победу за другой.

Совершая государственный переворот 19 брюмера, Бонапарт перед Советом Пятисот обмолвился словами, что его „сопровождают бог счастья и бог славы“. Эти слова сделались девизом его армий, вместо девизов революции.

Сделавшись сперва главой правительства Франции, а затем главой империи, Наполеон, с его гениальными военными способностями, получил вместе с тем возможность внести в область военного искусства такие элементы творчества, которые доступны лишь немногим полководцам.

Стратегия много выигрывает от единства действий с политикой, от политической подготовки и от такой постановки задач, которые не заводили бы в трудные стратегические положения, но напротив, допускали бы простейшие решения.

Управляя одновременно войной и политикой, Наполеон в совершенстве подготовлял и обеспечивал свои операции. Мало того, наперекор естественному порядку вещей, он заставлял политику служить своим стратегическим целям.

В области стратегии Наполеон мог показать, и действительно показал, что может сделать стратегия, располагая обширными средствами, как в смысле людского и конского состава, так и в смысле снабжения, снаряжения, денежных средств и, наконец, в смысле территории, выгодной для стратегических действий и маневров.

Такие основные начала стратегии, как выбор операционной линии в решающем направлении, скрытность и быстрота исполнения, сосредоточение сил, стремление уничтожить живую, боевую силу противника, обеспечение коммуникаций, не были изобретены Наполеоном, а составляют отличительные черты всех великих полководцев с древних времен. Но Наполеон дал яркие и законченные образцы этой стратегии,

пустив в ход такие средства, о которых забыли думать его современники со времени тридцатилетней войны и всех „правительственных“ войн периода абсолютизма.

Не довольствуясь только искуссным направлением и быстрым передвижением своих армий, Наполеон выполнил в области стратегии сложные и широкие планы, отвлекал внимание и растягивал силы противника на больших пространствах, и затем внезапно наносил удары сосредоточенными силами в самых опасных для противника направлениях. В эти стратегические комбинации включались целые области и государства, которые были призваны „сокращать“ его тыл для последующих завоеваний, служить исходными базисами для охватов или обеспечивать фланги при стратегических маневрах.

В области тактики Наполеон разработал разделение армий на самостоятельные войсковые соединения, дивизии и корпуса, составленные из всех родов войск.

Каждый род войск в свою очередь получал целесообразное устройство и применение.

В пехоте были разработаны приемы соединения стрелковых групп с подвижными колоннами, подход к полю сражения в соединении с маневром, сосредоточение и движение резервов.

Кавалерия получила широкое применение для разведки, связи и массовых атак в конном строю.

Артиллерия, на более легких лафетах Гребоваля, получила способность участвовать в маневрах и действовать большими батареями, сосредоточивая на пунктах удара огонь большого числа орудий.

Наконец, инженерные войска нашли себе применение в устройстве полевых укреплений и переправ даже через большие реки, которые не должны были служить препятствием для широких планов полководца.

Все усилия были направлены для применения широких средств, которые давала стратегия, для подвижности, маневра и сосредоточения всех родов войск к решительному пункту в решительную минуту.

Таковы в кратких чертах были Наполеоновские средства— его стратегия и тактика. В этих средствах, правда недоста-

вало одного и при том очень существенного для такого большого государства, каким была Франция: Не было достаточно сильного флота. Наполеоновский „потентат“, был „об одной руке“. Но эта рука была очень сильной.

Чем же об'яснить такое явление?

Причины были, конечно, различные.

Некоторые из них лежали в области стратегических и тактических неудач и ошибок.

Сюда относятся: поход в Россию, упорство противника в Испании, ряд неудач и ошибок в войну 1813 года до „битвы народов“ под Лейпцигом, включительно, наконец, ошибка и неудача в последнем бою при Ватерлоо.

Со стороны военной техники выяснилось, что многие маршалы Наполеона имели несомненно большой боевой опыт, но не имели основательного военного образования. По выражению самого Наполеона, они „привыкли вести войну на больших дорогах“ и не разбирались в более сложной обстановке, которая началась с 1813 года *).

Между тем, личное участие самого Наполеона с расширением театров войны и осложнениями в обстановке, все более затруднялось, к этому присоединились, наконец, его утомление и болезнь.

Но были и другие, гораздо более глубокие, причины политико-экономического характера, на которых и надо остановить внимание.

Важно отметить тот характерный факт, что первоначальные успехи Наполеона (до 1809 года) совпали не только с менее трудной стратегической обстановкой, но и вообще с менее сильным сопротивлением.

В этот период он воевал еще не столько с народами, сколько с правительствами. Революционное движение еще не успело захватить широкие массы за пределами Франции, народное самосознание еще только пробуждалось.

Между тем, сами же французы, завоевывая новые области, несли с собой освободительное движение, и хотя и в буржуазных формах,— насаждали одну за другой республики.

*) Указывая на „большие дороги“ Наполеон намекал также на грабительские инстинкты своих маршалов, но они не оставались в долгу по части упреков по его собственному адресу.

Это освободительное движение пробуждало в других народах тот же национальный порыв, в который оно вылилось во Франции. А потому, переделывая карту Европы, в зависимости от стратегических планов, Наполеон, в своих завоевательных стремлениях разрушал одной рукой то, что насаждала другая.

Позднее он оставлял в стороне заветы Великой Революции и насаждал просто королевства, которыми правили его родственники и маршалы, совершенно независимо от того были ли они сколько нибудь подготовлены к такой роли.

Наполеоновская армия, будучи послушным орудием в руках своего вождя, выполняла все это, не стесняясь никакими препятствиями.

Сопротивление все росло, обстановка складывалась все грознее и грознее, все больше сил приходилось затрачивать на второстепенные стратегические направления, все быстрее приходилось решать дело на главных направлениях, в ущерб и наперекор классической стратегии великих полководцев.

Между тем, силы и средства не только не приумножались пропорционально достигнутым успехам, но становились с каждым разом слабее.

Но это еще не все. Сопротивление росло не только со стороны национальных, но еще более со стороны экономических условий. Эти условия в странах Западной Европы были те-же, которые произвели революцию во Франции. Их сила и окончательное торжество логически должны были создать такой-же ход событий, как и во Франции.

Между тем, злой рок или „бог счастья и бог славы", увлекал Наполеона наперекор этому историческому ходу событий. Он включал экономические условия в свои политико-стратегические комбинации на ряду с любыми другими.

По этому ложному пути его вынуждал итти в особенности недостаток флота.

Наполеон не без основания считал главным противником сильной Франции ее островного соседа—Англию.

Стоя на морских мировых путях, Англия ревниво относилась не только ко всякому усилению морского могущества отдельных государств Европы, но ко всякому приближению к этим путям, ко всякому захвату выходов к ним с побережья.

В этом отношении старая Англия была империалистом от рождения, так сказать,—органически.

Захват Бельгии и Голландии и поход в Италию и Испанию сделали из Англии непримиримого врага.

Но как было бороться с гордыми островитянами? Все Наполеоновские планы отличались молниеносной быстротой. Но создать быстро могущественный флот было невозможно.

Английский флот создавался не только англичанами, но особыми географическими и экономическими условиями.

Наполеон пробовал насиловать эти условия, но не мог. Правда, первые пароходы, которым суждено было со временем преобразовать все мореплавание, были уже изобретены, но они были еще слишком примитивны. Для их усовершенствования нужны были опять новые экономические, производственные условия, которых не было.

Поэтому оставалось изобрести другое средство; и Наполеон изобрел его в знаменитой континентальной системе.

Задача этой системы состояла в том, чтобы преградить доступ Английским товарам на континент. Достигнуть этого было возможно лишь установив фактический контроль во всех портах Европы. Трудность увеличивалась необходимостью следить не только за английскими, но и за нейтральными судами. Вообще—вся система была равносильна завоеванию Европы, к чему Наполеон и устремился.

Последствия тогда не были так очевидны, как они очевидны в наши дни, но такое насилие над экономическими условиями дало себя почувствовать.

Нельзя сказать, что оно было нечувствительно для Англии. Некоторые результаты были достигнуты. Но каккой ценой!

Они потребовали колосальных усилий, вызвали всеобщее, об'единенное негодование и противодействие и отразились разорением на всех странах, связанных экономически с Англией, в том числе на самой Франции.

Возражая Дюрингу, этому своеобразному адепту социализма, утверждавшему что первичное в историческом ходе событий должно быть отыскиваемо в непосредственном политическом насилии, а не в посредственной (второстепенной) эконо-

мической силе, Ф. Энгельс*), вероятно случайно, не упоминает о континентальной системе, которая является одним из самых ярких доказательств бесплодности политического насилия над экономической силой вещей, если это насилие само не опирается на определенные законы экономической жизни.

Каков же был итог всех Наполеоновских завоеваний для самой Франции?

Франция не только потеряла все свои завоевания, но вышла из борьбы разоренной и обессиленной. Ослабленность коснулась самого дорогого—жизненности населения.

Известны гордые слова Наполеона обращенные к Метерниху: „Вы не можете мне помешать; я взимаю ежемесячно 30000 человек“.

Это „взимание,“ правда, касалось не одной Франции. Война с Россией была нашествием „двунадесяти языков“. В войне 1813 года французы составляли лишь одну треть Наполеоновской армии, вторую треть выставили немцы, третью—итальянцы, голландцы, бельгийцы и др. народы Наполеоновской империи.

Но неумолимая и беспристрастная статистика показывает, что со времени Наполеоновских войн, Франция перестала быть страной в которой на наибольшей площади жило наиболее густое население. Самый прирост населения обнаружил неудержимую склонность к падению. В этом явлении, кроме войны, несомненно участвовали и другие причины, но Наполеоновские завоевания создали тот надрыв от которого Франция долго не могла излечиться.

V.

Эпоха милитаризма.

Времена Наполеона были временами милитаризма, но непрочного, неустойчивого.

Не было на лицо целого ряда условий, необходимых для того „перманентного“ милитаризма, который начался несколько позднее с возвышением Пруссии до размеров Германии.

Специально военными основами милитаризма явились: всеобщая воинская повинность, постоянные кадровые армии,

*) Анти-Дюринг. 1918 г.

развертываемые во время войны в „вооруженный народ“, сильный военный флот и, наконец, общая подготовка страны во всех отношениях для национальной обороны и атаки.

Начало этой системы было положено именно в Пруссии с первых шагов ее национального возрождения после Наполеоновского погрома с изданием в 1814 году „основного закона“, обработанного Блюхером, который окончательно ввел всеобщую воинскую повинность, установил обязательную службу в постоянной армии, в ее резерве, в ландвере (запас) и в ландштурме (ополчение), об‘единил все эти части армии в одно общее понятие о вооруженных силах и, наконец, провозгласил постоянную армию—национальной воспитательной школой для войны, установив в ней достаточно продолжительный срок службы (3 года) для военного воспитания солдат.

Эта военная система в начале отвечала потребностям небольшого государства, жившего под постоянной угрозой иностранных вторжений, с населением, сплоченным в национальном отношении, с патриархальным укладом жизни, в стране земледельческой, со слабо развитой промышленностью.

Но прусское ландверное устройство получило совсем иное значение, когда Пруссия, мало по малу, превратилась в сильнейшее из Западно-европейских государств—Германию.

Национальное об‘единение нескольких десятков миллионов немцев, (1866 г.) разбросанных по центральной Европе в разных подданствах, доставило значительные средства, прежде всего, по количеству людей одной и той же национальности.

Но то же об‘единение еще ранее национального, создалось в 1834 году в форме таможенного союза (Zollverein), который явился первым большим этапом для полного экономического об‘единения Германии.

Это экономическое об‘единение имело решающее значение для всего последующего хода исторических событий.

Прежде всего оно подготовило национальное об‘единение, которое не могло бы совершаться так быстро и так прочно при других условиях. Но оно имело и другое важнейшее последствие в военном отношении.

Упразднение всех мелочных стеснений прежней меркантильной системы и об‘единенная, широкая, планомерная работа в области торговли и промышленности, дали толчок для

развития этой промышленности и раздвинули пути для широкой индустрии.

Эта индустрия, в свою очередь, повлекла за собой быстрое развитие техники и широко распространила пределы технического производства во всех областях народной жизни, в том числе и в военном деле, которое вскоре сделалось одним из самых видных и выгодных „заказчиков".

Рассматривая вопрос только с одной специально военной точки зрения, нельзя не признать, что такое положение дел было выгодно для развития военного искусства, получившего такие средства, каких не было в предшествующие эпохи.

Явилась возможность иметь армии громадной численности, пропорционально росту населения национальных групп. При Наполеоне армии измерялись сотнями тысяч, теперь достигли миллионов. Прежние границы мелких владений и областей не разделяли армий, получивших свободу движения и сосредоточения.

Железные дороги ускорили мобилизацию, сосредоточение и, наконец, стратегические переброски войск, обратились сами в такое же могущественное орудие войны на суше, каким были военные суда новейшей конструкции на море.

На помощь управлению явились разнообразные средства технической связи.

На помощь живой силе—всевозможные средства артиллерийской и ружейной техники.

Богатство технических средств уже в последней четверти прошлого века было так велико, что, казалось, дальше итти некуда.

Через несколько лет после франко-прусской войны Ф. Энгельс в своей книге „Анти-Дюринг" писал: „Теперь оружие так усовершенствовано, что уже невозможен какой-либо новый прогресс в этом отношении, который мог бы иметь сколько-нибудь революционизирующее влияние".

Но как раз именно за последние пятьдесят лет явились все „чудеса" техники: беспроволочный телеграф, телефоны, полевые орудия, автомобили, аэропланы, подводные суда, удушливые газы, танки; многое, что и не снилось нашим отцам и дедам.

Но попробуем подвести общий итог всем этим, как живым, так и техническим средствам для военного искусства.

Принесли-ли они только одни выгоды?

Каких результатов именно в военном искусстве они позволили достигнуть?

Было ли только благотворно для военного искусства их революционизирующее влияние (по выражению Ф. Энгельса) или они имели для него еще и другое значение и почему?

Прежде всего надо ввести оговорку, что какие бы то ни было заключения относительно применения новейших военных средств в частных случаях можно делать при условии, что они были на лицо и что ими вообще можно было воспользоваться.

Такого рода условие само по себе является характерным для новейших средств военного искусства, которое требует не только специально военной подготовки, как это требовалось более или менее во все времена, но технических средств и технической подготовки.

Отсюда зависимость приложения средств новейшей военной техники: во первых, от театра войны и от некоторых условий обстановки, которые могут ограничивать применение некоторых технических средств, во вторых – от производства этих средств и в третьих-от уровня технических знаний и подготовки.

Эта зависимость может проявляться для различных средств техники в различной степени, но, если мы остановим наше внимание даже на таком техническом средстве, как винтовка, широкое распространение которой особенно способствовало созданию вооруженных народов и вообще демократизации военного искусства, то даже и оно укажет на зависимость его применения и от условий обстановки, и от состояния соответствующей отрасли индустрии и от обучения.

Отсюда можно сделать по крайней мере один вывод, что никакие новейшие средства не могли вытеснить или упразднить известных общих принципов военного искусства и что применение этих средств зависит ныне от общих условий относительно в большей степени, чем в прежнее время.

Могут быть случаи, и они действительно были, когда слишком большие надежды на эти средства не только не

оправдывались, но вовлекали в тяжелые, катастрофические положения.

Но перейдем к вопросу: внесли-ли новейшие средства, т. е. массовые национальные армии и техника, одни лишь плюсы в область военного искусства, в предположении, что ими можно было всецело воспользоваться, или принесли с собой также и минусы?

Сколько нибудь детальное сравнение в этом отношении хотя бы двух эпох,-наполеоновской и новейшей, завело бы нас слишком далеко.

Но ясно лишь одно, что массовые национальные армии, не взирая на богатство новейшими техническими средствами, со сплошными фронтами на протяжении многих сотен верст, со всеми неизбежными трудностями расположения и передвижения больших войсковых масс сосредоточенных в то же время на тесных пространствах, с громоздкими тылами, которые вызываются невозможностью снабжения из местных средств и необходимостью постоянного подвоза многих предметов специально технического снабжения,—являются, хотя и могущественными, но громоздкими орудиями войны сравнительно с армиями недавнего прошлого, т. е. революционной и наполеоновской эпохи.

Широта размахов сохраняется в области морских и железно-дорожных перевозок, но на театре войны и на полях сражений она может развиваться преимущественно в начальный период войны, затем армии противника заковываются в сильные укрепленные линии, опутываются проволокой и начинается война таранных ударов, результат которой трудно предвидеть, но, как показал недавний опыт минувшей войны, этот результат зависит более от политико-экономических причин, чем от военного искусства.

Чтобы закончить эти сопоставления, мы сравним ход и результат военных действий в самом начале и в конце эпохи милитаризма для одного „эпизода“—для „взятия Парижа“.

Немецкий писатель М. Иенс в своей книге „Военное дело и народная жизнь“ с гордостью отмечает, что северо-американская армия потребовала, чтобы достигнуть от Вашингтона до Ричмонда, 5 лет. Прусская,—дабы подойти к воротам

Вены—30 дней; немцы, дабы продиктовать Парижский мир—7 месяцев.

В настоящее время можно задать вопрос тем-же немцам: сколько „месяцев“ им потребовалось, чтобы, начиная с 1914 года,—дойти до Парижа, со всеми новейшими средствами, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, ни перед какими нарушениями законов международного права и человечности?!

Каковы бы ни были однако заключения о выгодах милитаризма с точки зрения военного искусства, но война 1914-1918 годов была проиграна в первую очередь той страной, которая десятки лет шла под знаменем милитаризма, увлекая за собой другие народы, т. е. Германией.

Каковы же были общие причины этой неудачи, не взирая на все средства военной техники и системы и на все искусство и энергию в их применении, в чем нельзя отказать немцам?

Один из виднейших апологетов Германской системы М. Иенс так восхваляет ее преимущества:

„Всеобщая воинская повинность составляет лучшее обеспечение против какой бы то нибыло бесполезной войны,... в высоте ставки заключается предостережение против бесполезной войны, которое ни один государственный человек, ни один король не может не принять во внимание. Связанное со всеобщей воинской повинностью постоянное войско, является, вместе с тем могущественной опорой для государственной власти„...

Этими словами М. Иенс сам указывает, на недостатки германской военной системы, вероятно, того не подозревая.

Обеспечение против бесполезной войны сводится в сущности к добросовестному „вниманию“ государственного человека и „короля“ к размерам той страшной ставки, которая кладется ими на карту.

История учит и подтверждает последними событиями великой войны, что эта гарантия слишком недостаточна.

Подчеркнутое Иенсом, первенствующее значение постоянных войск, как могущественной опоры государственной власти, довершает неосновательность восхвалений.

В действительности, усилиями власти, с ее „могущественными опорами" в виде постоянных армий и парламентов „вооруженные народы" обратились в послушное орудие войны не для защиты своих интересов, а для достижения правительственных целей.

Случилось то-же, что было в эпоху Наполеоновских войн. Но, тогда власть увлекала народы своими победами на полях сражений, а теперь то же достигалось специальным воинским воспитанием, для которого военной школой нации должна была служить постоянная, кадровая армия.

В Германии к этому присоединилась милитаризация всех органов правительственной власти и всех вообще отраслей народной деятельности, которые могли иметь отношение к военному делу. А какая же из них могла не иметь такого отношения, если в конце концов по германскому образцу надо было иметь не только вооруженный народ, но вооруженную страну?.

Власть пошла по пути капитализма и повлекла за собой народы на поводу того „завоевательного национализма" о котором также уже говорилось в очерке значения наполеоновской эпохи.

Дальнейший ход событий хорошо известен.

Преследуя задачи капитализма и крупной индустрии на мировых рынках, власть обратила завоевательный национализм в империализм.

Идя еще далее по этому пути, она создала тройственный союз, в ответ на который создалось тройственное согласие.

Народы понесли все свои силы на служение богу войны.

Но перелом рано или поздно должен был наступить.

Интересы империализма той или другой группы народов не могли не сталкиваться на мировых рынках.

Ничтожные попытки Гаагской конференции ясно показали, что при существующем укладе жизни народов, при существующих способах из'явления воли народов, теми властями, которые правили этими народами, нет другого способа для разрешения спорных международных вопросов, кроме войны.

А потому стремления усилить военное могущество сделались бесконечными.

Явилась и другая причина для такого движения в бесконечность.

Военное искусство стало в тесную зависимость от техники. Мало того: техника нашла в армиях и флотах своего лучшего „заказчика". Главнейшие виды крупной индустрии обратились в „поставщиков" армии и флота. При этом по свойству и направлению деятельности государственных властей, по недостатку способов из'явлении подлинной воли народных масс, не стало никакого результата для этой работы индустрии, как со стороны заказчиков, так и со стороны поставщиков, из которых последние сами вошли в состав правительственной власти.

Но такое движение в бесконечность не могло остаться без регулятора. И регулятор нашелся в самой военной системе, но не совсем так, как предполагал М. Иенс и другие проповедники всеобщей военной повинности и вооруженного народа.

Необходимость призывать в ряды армии почти все население способное носить оружие, неизбежно влекло за собой участие народных масс в решении основных вопросов о войне и мире.

Вооружая народ, правительства сами давали ему возможность сделаться тем „регулятором" о котором мы только что говорили.

Ужасающее бремя военных бедствий, налоги, одностороннее направление промышленной деятельности и „воспитания" рано или поздно должно было вызвать непосредственное вмешательство народов в решение своих судеб.

Кое-где оно уже началось, но до последней империалистической войны это из'явление воли народов не принимало достаточно широких и организованных размеров.

У народов наиболее увлеченных завоевательным империализмом оставалась надежда одним ударом кончить войну и остановить бесконечные вооружения.

Расчет был неверен. Каков бы ни был результат войны, но на прежних основах международной жизни вооружения должны были бесконечно продолжаться.

Расчет был неверен еще по той причине, что он неизбежно предполагал военное насилие над экономическими условиями жизни народов в мировом масштабе, по крайней мере, на время войны.

Эта война, как и все войны наполеоновской эпохи, была в сущности, войной наиболее сильной континентальной державы, на этот раз Германии, с наиболее сильной морской державой, которой ныне, как и прежде, оставалась Англия. Все остальные государства были лишь вовлечены в эту борьбу в силу исторической и экономической необходимости, следуя по пути завоевательного империализма.

План Германии в своих основах состоял в том, чтобы через Бельгию завоевать французское побережье, ослабить морское могущество Англии подводной войной, а затем завоевать господство на море и кончить войну дессантом одновременно продвинув сухопутную базу в Мессопотамию к Египту и к Персидскому заливу.

План Германии был грознее для Англии, чем план Наполеона, но был еще грандиознее, а, главное, еще труднее по сложности современных экономических отношений, которые надо было нарушить.

Решающее значение имело время, но учесть его было невозможно.

Вступление в борьбу других мировых держав и целого почти нового континента—Америки, окончательно спутало все расчеты и Германии самой пришлось, тяжелее чем другим, испытать последствия военного насилия над экономическими условиями.

Она была побеждена, прежде всего, своими собственными усилиями, как некогда это случилось с Наполеоном.

На этом пока остановилось развитие милитаризма в Западной Европе.

VI.

Заключение.

Мы не можем сказать, что эпоха милитаризма тесно связанного, вернее—вытекающего из капитализма, уже окончила свое существование в целом мире.

Но история уже произнесла над ней свой приговор. Система сама собой дала широкую и глубокую трещину. Формы ее оказались изжитыми, так как вся система политических и общественно-экономических отношений, на которых основывался милитаризм, сама оказалась изжитой и потребовала обновления.

Как некогда Великая Французская Революция выступила на поддержку нового порядка вещей, ускоряя крушение феодальных порядков и абсолютизма с его меркантильной политикой в области экономических отношений, так теперь не менее Великая Революция наших дней, выступила против остатков абсолютизма и торжества всемирного капитализма.

Как некогда Французская Революция внесла глубокие изменения в средства и приемы войны, так и новая революция наших дней не могла на них не отразиться.

Французская Революция повлекла за собой новые формы конституционных государств и национально-экономических отношений.

Для военного дела развитие промышленности обеспечило ряд технических усовершенствований.

Революция наших дней преследует еще более глубокие и широкие задачи, которые лишь зарождались в эпоху французской революции, но не получили развития.

Поэтому изменения в военном деле должны быть еще шире и еще глубже.

Но для более правильной оценки их надо отдать себе отчет об общем ходе исторических событий, в особенности в области экономических отношений и развития техники.

Французская Революция расчистила пути для участия широких масс в решении своих судеб и для совершенства экономических условий в жизни народов, но в военном деле она не успела в полной мере воспользоваться плодами своих дел.

Это легче было достигнуть Наполеону, который использовал средства революции.

Его предприятия потерпели неудачу, так как средства революции получили в его руках несвойственное им применение; война сделалась не средством, но целью и замерла от истощения.

Но брошенные великой Французской Революцией семена продолжали расти и развиваться, давая новые могучие побеги и, одновременно создавая плодородную почву для новой экономической жизни народов.

Уже Наполеон, предвидя всю ширь возможностей, которые открывала революция, устремился к достижению грандиозных, империалистических целей. Но у него не было еще средств, которые явились позднее с могущественным развитием техники.

Завоевательный национализм времен Бисмарка нашел эти средства и обратился в завоевательный империализм, в нового уже не единоличного, но „организованного Наполеона", достигнув, действительно, в военном деле небывалого совершенства.

Вот почему для новой революции, в борьбе с капитализмом и милитаризмом предстала, в военном отношении, несравненно более трудная задача, чем для Французской Революции, которой пришлось иметь дело с ограниченными средствами абсолютизма, с его мертвыми и мало подвижными формами, со слабо развитой техникой.

Но, если Революция нашла способы приложить себе путь через все силы империализма, которые были в одинаковой степени направлены, как против враждебных империалистических групп, так и против революции, то она должна была найти способы и для дальнейшего движения.

Планомерными условиями могли и могут служить: во первых, неизбежная, органическая рознь всех национальных, империалистических группировок, нерешительность и несвязность действий всех вообще коалиций, как это было с древних времен и до наших дней, во вторых,-глубочайшие последствия минувшей империлистической войны, которая отвратила народные массы от войны в прежнем смысле слова, растроила технические средства и, наконец сама вызвала ряд революционных движений, подготовив почву уже не для завоевания территорий и рынков, а для завоеваний революции.

Обстоятельства слагаются таким способом, что прежние правительства или их приверженцы лишаются возможности поднять и повести за собой народные массы на новую войну.

Это смогут сделать лишь те, которые вообще поведут за собой народные массы на новую войну, но не по путям военных завоеваний, а по путям революции.

Не для подавления угнетенных классов, а для их освобождения, не против какой либо национальности, но за свободу всех национальностей без всякого между ними разразличия.

Империалистам приходится ограничиваться, хотя и хорошо огранизованными, но сравнительно небольшими группами отчасти национального, а отчасти наемного характера, возвращаясь в этом отношении ко времени упадка военного искусства.

Какие же изменения может внести новая Революция в самую технику военного дела, в стратегию и тактику?

В обоих этих областях многое будет зависить от того, с каким противником придется иметь дело: с армией противника значительной тактической плотности, действующей по всем принципам стратегии и тактики национальных войск последнего времени или с отдельными отрядами, имеющими характер более или менее сильных экспедиций.

Во всяком случае, революционная армия всегда постарается развернуть свои сильные стороны, сочувствие разноплеменных масс, превосходство числа, широту развертывания, быстроту движений, выносливость бойцов. Этими приемами ей придется наверстать недостаток организации, а также недостатки технических средств и технической подготовки.

Так было, в сущности, во времена Французской Революции и в начале наполеоновских войн, так оно есть и будет в современных революционных войнах.

Разница может сказаться в масштабе действий, которые ныне могут получить размер более широких размахов и комбинаций, чем в прежнее время.

При всем недостатке технических средств, многие из них, как например, железные дороги, средства связи, артиллерия, воздушный и морской флот, должны оказаться в распоряжении революционных армий по неизбежному соприкосновению с ними пролетарских масс, которые, вместе с тем успели освоиться с ними за время последней импераилистической войны.

Но технические средства сами по себе не могли-бы дать много, если бы в общих условиях революционной, классовой войны, не было особенно благоприятных обстоятельств именно для той армии, которая защищает интересы пролетарских классов независимо от их национальности.

Достаточно уже чтобы эти классы, составляющие везде большую часть населения оставались нейтральными, что-бы создать достаточно выгодные или, хотя бы, возможные условия для очень широких и глубоких охватов, для угрозы сообщениям противника, захват крупных административных центров, складов и т. п. Определенно выраженное сочувствие населения приносит уже значительные выгоды не только для частных операций, но и для усиления средств привлечением пополнений, для закладки новых баз, для увеличения перевозочных средств, для целых планов войны с очень смелыми, широкими и неожиданными для противника комбинациями.

Есть еще и другое обстоятельство, которое заметно отличает условия классовой войны от национальной, — это меньшая зависимость от территории.

С военной точки зрения небезразлично обладать ли или не обладать важными источниками снабжения армии или страны, крупными административными центрами и т. п. С точки зрения интересов рабоче-крестьянской революции небезразлично, оставлять ли, или не оставлять надолго во власти противника сочувствующие революции рабоче-крестьянские массы.

Но даже и в этих случаях рабоче-крестьянская власть не ищет обладания территорией для своей армии, составленной из какой либо определенной национальности, но из родственных рабоче-крестьянских классов.

Весь вопрос для нас сводится не к фактическому захвату, но к распространению известных революционных начал.

Вне указанных условий обладание территорией для нас безразлично.

К этому надо заметит, что раз только господство революционных начал обеспечено, то распространение их идет неудержимо через все препятствия, укрепления и оборонительные линии, создавая вид глубокого вторжения в очень широкие области.

Обратно, при неудаче революционной армии, может представиться необходимость очистить иногда очень значительную территорию. Но это очищение имеет временный характер, раз только в очищенной области осталась благоприятная среда для нового вторжения.

Отсюда в планы войны революционной рабоче-крестьянской армии могут входит такие временные изменения территории войны, которые в состоянии опрокинуть самые, казалось бы, основательные расчеты противников, но сделанные в размере национальных, сравнительно узких масштабах, в особенности, если они касаются западно-европейских национальностей.

Таковы возможности, которые открываются для стратегии и тактики рабоче-крестьянских армий.

Заканчивая этим наши обзоры, мы вправе заключить, что зависимость революции и войны, ныне, как и прежде, выражается в следующих формах: революция,—раз она сделалась исторически сильной и необходимой, открывает войне средства в более значительных размерах, чем это можно было-бы сделать в тот же период времени, оставаясь вне революции.

Она открывает источники не только материальной, но и моральной силы в том особом революционном порыве, в тех могущественных внутренних движениях, которые революция вкладывает в народные массы.

Но, давая почти неограниченные средства, революция-же ставит войне определенные пределы. Эти пределы определяются общими задачами и целями революции.

До тех пор пока война идет в направлении к этим целям, революция и война взаимно поддерживают одна другую.

Но когда война уклоняется от целей революции и, становясь самоцелью, начинает преследовать свои задачи и добывать войной—же новые средства для своего продолжения, пути революции и пути войны начинают расходиться.

Война, специализируя для себя средства, начинает ограничивать их общий об'ем, отвлекая, в то же время, силы и средства от революции.

В итоге средства войны могут еще некоторое время поддерживаться, но для войны наступает вырождение; в конце концов новая революция останавливает старую войну и двигает народы уже по другим путям с новыми задачами.



М. Тухачевский.

Статистика в гражданской войне.

1 Общие положения.

Военная статистика, изучающая силы, средства и положение государств, в целях войны национальной и гражданской,—не одинакова. В дальнейшем рассмотрении содержания военной статистики, мы укажем подробно, как на фактическое изменение характера сил, об'ема средств и положения государств в гражданской войне, так и на причину происхождения этих изменений в войне гражданской, в отличие от войн империалистских и проч. Вышесказанное вовсе не означает, что в гражданской войне статистика изменяет метод своего исследования. Отнюдь нет. Но изменившийся характер вооруженной борьбы, изменившиеся условия питания и ведения этой войны, неминуемо выдвигают на первый план такие об'екты исследования военной статистики, которые в прежних, национальных, войнах или совсем не играли никакой роли, или играли самую незначительную.

Военная статистика должна дать систематизированный материал, определяющий и представляющий сумму всех слагаемых военного могущества данного государства, а для войн гражданских—того или другого класса, в полном его об'еме.

Какая же разница в характере военного могущества может быть в войнах национальных и гражданских?

Дело в том, что, говоря о войне гражданской, нельзя вообще употреблять слово „государство" при исследовании сил и средств.

Статистика гражданской войны может и должна существовать даже и тогда, когда социалистическая революция еще не разразилась и когда государств с пролетарской диктатурой еще нет. В этот период статистические исследования для будущей гражданской войны, будут, главным образом, касаться классового состава и группировки в тех или других госу-

дарствах или национальностях, состояния промышленности и степени развития рабочего класса и т. п., но зато мало будут касаться военно-географической стороны дела, так как заранее почти невозможно предугадать театров гражданской войны. Военно-географическими данными придется пользоваться по военно-статистическим и военно-географическим очеркам буржуазных государств, имеющих постоянные границы, а потому заранее знающих будущие театры военных действий.

Таким образом, военно-географические данные для войн гражданских, или национальных остаются неизменными.

Стратегическая оценка местности, как это вытекает из изложенного выше, для театров войны национальной, или империалистской, может быть произведена еще до возникновения войны; для войны же гражданской может быть произведена лишь с момента ее возникновения, или, лучше сказать, с момента совершившейся где-либо социалистической революции.

Военно-географические (физические) данные. Прежде всего рассмотрим то, что не подлежит изменению в данных статистики, в зависимости от того,—имеет ли место национальная или гражданская война.

Такими данными будут все явления природы не зависящие от общественной жизни населения, по крейней мере не могущие быть видоизмененными ею в короткий срок. Сюда будут относиться данные в узко военно-географическом смысле. Таковы: устройство поверхности данной области, ее водная система, т. е. моря, реки, озера и болота, почва, растительность и климат.

Совершенно ясно, что все эти данные, с точки зрения военной, не изменят своего значения, как бы ни изменился характер ведения войны.

Средства страны. Средства страны, сами по себе, остаются, в сущности, неизменными в своем об'еме, случится ли война гражданская или национальная. Но, оставаясь по своему абсолютному об'ему неизменными, эти средства для целей войны гражданской, или национальной, все-таки не одинаковы, так как служат им различными своими сторонами.

Так, например, народонаселение для национальной войны имеет ценность и значение со стороны численности и группировки национальных элементов, а частично, иногда, бывают важны и признаки религиозные; для религиозных войн важна численность и группировка единоверцев, для гражданской войны—тоже самое в отношении враждебных классов. Во всех этих случаях народонаселение по своей численности остается неизменным.

В общем, к средствам государств в военном отношении будут, главным образом, относиться: народонаселение, земледелие, животноводство, горная промышленность, обрабатывающая промышленность, торговля, финансы и проч.

Население. Статистическое исследование народонаселения для гражданской войны будет прежде всего изучать его классовую группировку, его имущественное положение, его классовое, процентное и численное соотношение, сословия и проч.

Вопрос национальный в этом случае отходит на второй план. Правда, и в гражданских войнах мы видим явления, когда некоторые классы присоединяются к той или другой воюющей нации, но это будет лишь в том случае, когда вражда классовая совпадает с враждой национальной, т. е. когда известная нация эксплуатируется другой. Иногда даже религиозное движение может совпасть с классовым: у малокультурных народов.

Все же, как общеее явление, вопрос национальный и религиозный стоит на втором плане. Прежде всего статистика должна исследовать экономическое положение населения, процентное и численное соотношение в нем классов и группировку последних. Это даст полную характеристику сил и средств государства, это даст характеристику его слабых и сильных мест и это же даст возможность противным сторонам учесть вопросы пополнения армии при продвижении по территории противника. Родственные классы, находящиеся на территории противника, в его тылу, служат победителю как-бы стратегическим резервом при вторжении в эту территорию и при преследовании противника.

Статистическое исследование, с определенной военной целью, имеет вполне понятные и известные формы в том слу-

чае, если средства страны исследуются в пределах известных границ, как например—в целях войны национальной и даже гражданской, но уже после возникновения войны. Значительно труднее представляется дело в том случае, если статистическое исследование производится в целях гражданской войны, но до ее возникновения.

В самом деле, предполагаемая классовая война не может быть с точностью определена заранее как в смысле времени ее вспышки, так и в смысле постепенности ее развития относительно территории и самых размеров войны. Таким образом, если не будет принято условно отправных данных о порядке событий в предстоящей классовой войне, придется ограничиться общим изучением враждебных классов в мировом масштабе и в рамках отдельных государств и наций, в смысле их средств и сил. Для государств буржуазных, т. е. для их буржуазии, дело именно так и будет обстоять. Для рабочего класса, статистическое исследование может быть применено шире. В самом деле, революционная борьба пролетариата руководится теперь 3-м Коммунистическим Интернационалом. Его задача—это мировая социалистическая революция, какими бы путями она ни совершилась. Реальная сила Интернационала—это организованный и, притом, вооруженный рабочий класс.

Готовясь к социалистической революции, 3-й Интернационал будет руководствоваться известным планом, который, естественно, будет твердо и неуклонно проводить в жизнь.

Вот этот-то политический, революционный план и даст возможность военной статистике избрать определенный путь и об'ем своего исследования для предстоящей гражданской войны.

Но и в этом случае работа военного статистика будет очень трудна, так-как многие данные придется принимать условно и правильно оценить и определить их составят задачу военного глазомера.

Гражданская война, как бы она ни подготовлялась старательно, все же в первый свой период будет носить характер постоянных импровизаций.

В этих условиях знание статистических данных о средствах страны и составляет самую существенную часть

успешного ведения войны и операций. Однако в нынешней нашей войне мы поразительно мало обращаем внимания на эту сторону дела. В военно-географических описаниях Всероссийского Главного Штаба вопрос о населении исследуется в самой уродливой форме. Если бы эти описания были изданы до социалистической революции, то мы сказали бы просто, что они слишком кратки. Но в том-то и дело, что эти описания составлялись во время текущей гражданской войны, специально для наших красных фронтов. Мы не будем разбирать этих трудов, так как таковые считаются секретными. Тем не менее нельзя обойти молчанием официального взгляда Всероглавштаба на значение средств страны, главным образом, населения, для гражданской войны. Приведу несколько характерных мест:

1) „В отношении населения №-ый фронт по процентному содержанию находится в невыгодных условиях. Сильное преобладание **русского** *) элемента существует только в центре и на севере района“.

2) „Высшее культурное развитие **русского** племени, по отношению заселяющих район **инородцев, уменьшает невыгодную сторону большого процентного отношения этих последних к русскому** населению на территории №-го фронта“.

3) „Но в особенно **плохом** положении по племенному составу находится № и побережье, где, кроме разнообразия племен, следует отметить и присутствие большого количества иностранных подданых“.

Чрезвычайно интересно знать, с кем же, по мнению Всероглавштаба, ведем мы сейчас войну. Уж не с „басурманами“-ли, или не с инородцами-ли вообще. Почему Всероглавштаб предпочитает всем другим национальностям русскую? Или, может быть, русских контр-революционеров он не считает больше русскими и смело обращает их в инородцев, вместе со всеми славными их вождями: Колчаком, Деникиным и доброй половиной старого русского офицерства?

В общем, не разберешь чем руководствовался Всероглавштаб, но от того характеристика населения для гражданской войны, в его изложении, не станет ни яснее, ни содержательнее.

---

*) Всюду курсив наш.

Выше уже говорилось о том, что именно характеризует население с точки зрения гражданской войны и потому не будем слишком много говорить по поводу ошибок Всероглавштаба.

Границы государства. Обзор границ государств для прошлых войн было легко исполнить. Буржуазные государства отделялись одно от другого совершенно определенными, постоянными границами и потому исследовать их не представлялось особых затруднений. Гражданская же война, возникающая в недрах буржуазного государства, не находит, до своего возникновения, границ между враждующими классами. Поэтому, трудность в описании вновь возникнувших границ, а правильнее сказать только-что образовавшихся фронтов, притом очень легко и быстро меняющихся, весьма значительна. Рассмотрение границ непременно должно паралельно иметь внимательное изучение исторической части их возникновения и влияния на них местного населения и промышленности.

Государственное устройство. Изучение государственного устройства противной стороны. в период ведения гражданской войны имеет громаднейшее значение. Очень часто гражданскую войну приходится вести двум совершенно новым государствам, с массой всяческих импровизаций. Проследить их, выяснить их работоспособность и, главное, их прочность,—это чрезвычайно важная задача статистики, правда, почти совпадающая с задачами разведки.

В гражданской войне, более чем в какой-либо другой, выступает на первый план жизнеспособность государственного аппарата. Только при наличии этого факта возможно перенести и справиться с импровизациями гражданской войны.

2. Армия и флот.

Вооруженная сила. Армия в гражданской войне обычно является одним из продуктов импровизации. Ее система, численность, количество боевых единиц и высших войсковых соединений все время изменяются, совершенствуются, формируются и переформировываются и проч. Вообще, армии в гражданской войне отличаются большим раз-

нообразием в составе. С самого возникновения армии два враждебных классовых лагеря находятся в состоянии войны, а потому все формирования и переформирования совершаются с большой военной тайной, а вследствие этого—собирание сведений о противной армии затруднено. Ясно, что для того, чтобы составить схему построения армии противника, со всеми ее органами снабжения, администрации и проч. потребуется не мало трудов, энергии и близкой связи с органами разведки.

3. Театры военных действий.

Границы. Уже упоминалось выше, что лишь с началом гражданской войны появляются границы между двумя враждующими классовыми диктатурами. Точно также и границы театров военных действий приходится рассматривать не как границы театров вероятных столкновений, а как границы театров уже действующих армий, т. е., другими словами линию фронта действующих армий. Совершенно ясно, что эта линия непрерывно изменяется, и потому исследовать границы в ее вариациях приходится полевым штабам.

Между прочим, надо иметь вообще в виду, что в гражданской войне, сплошь да рядом, военные действия разыгрываются на таких театрах, которые никогда раньше не исследовались в военном отношении. Это обстоятельство приводит к тому, что военно-статистические сведения о театрах гражданской войны страдают, зачастую, большой неполнотой.

Рельеф, орошение, леса, климат, почва. Для театров гражданской и национальной войны значение рельефа, орошения, лесов, климата и почвы—одинаково. Нужно только добавить, что, обычно, армии в гражданской войне страдают недостатком технических войск и средств, а потому подробное описание рек, болот и проч. приобретает еще более важное значение. Важно указать броды, берега, глубину, ширину и скорость течения реки в различные времена года. Местные средства для переправ, наличные лодки и суда,—все это необходимо учесть, тем более, что в гражданской войне, как обычное явление, мы видим вооружение речного флота.

Поэтому важно исследовать реки и в отношении действий боевого речного флота.

Население. Правильно оценить значение населения, при составлении плана операции, или кампании в гражданской войне, имеет громадное значение. Исследуя его с точки зрения классовых взаимоотношений, можно заранее учесть при наступлении то количество мобилизованных, которое можно будет влить в свои армии, обучив его на месте. Это обстоятельство поможет наступающим армиям, не ослабляться, а, наоборот, усилиться. Но для успешности проведения в жизнь этой меры необходима тщательная подготовка, а для последней необходимы точные цифры статистики. Конечно, не только в наступательных планах, но и в оборонительных и в отступательных статистические данные о населении играют первостепенную роль. В остальном, о статистике населения для театра войны можно сказать тоже, что говорилось о населении государства.

Средства. В гражданской войне, по крайней мере в нашей, почти на всех фронтах, при снабжении армий, приходится расчитывать на продовольствование их местными средствами. В связи с этим требуется тщательное и детальное изучение добывающей промышленности и сельского хозяйства.

Но, в значительной степени, и всеми остальными продуктами обрабатывающей промышленности наши армии пользуются на месте.

Между прочим, наши полевые армии на фронте ведут обычно большие формирования. Для этих формирований широко и, даже, почти исключительно, приходится пользоваться местными средствами.

Все это необходимо учитывать.

Пути сообщения. Для гражданской войны, вообще, является характерным понижение и, даже, падение техники. В первую очередь это отражается на железных дорогах. Постепенно разрушаются железно-дорожные мастерские и депо, паровозы и проч. Починять и исправлять разрушения железнодорожных сооружений, причиненных войной, нечем. Все это постепенно ведет железнодорожный транспорт к упадку и разрухе. Самые военные действия в гражданской войне развиваются

с чрезвычайной быстротой и, потому, как быстро совершается разрушение железных дорог при отступлении, так быстро должно производиться и их восстановление при наступлении, а это, при указанной выше разрухе, представляет чрезвычайные трудности. К этому еще нужно прибавить и затруднения в добывании и доставке топлива при указанных выше обстоятельствах. Эти особенности железно-дорожного транспорта в гражданской войне требуют самого внимательного изучения и разведки состояния его у противника и у себя. При общей разрухе транспорта подвоз как топлива, так и различных материалов издалека очень затруднен и, потому, местные средства и возможности их использовать должны быть изучены всесторонне.

Особенно тщательно должен изучаться вопрос о состоянии мастерских, водоснабжения и топлива.

Мосты должны быть изучены все без исключения, а также и возможность их исправления местными средствами, что особенно необходимо при указанной выше неизбежной необходимости быстрого исправления их при наступлении.

Знание железнодорожного пути позволит заранее подготовиться к восстановлению разрушенных сооружений.

Как общее явление надо отметить то, что исправление железных дорог в нашей войне, по своей быстроте, отстает от наступающих войск. Кроме того, сеть ж. д. у нас очень слабо развита. Эти обстоятельства требуют наличия в наших войсках мощного гужевого транспорта. Но на деле такового почти не имеется, а потому войска принуждены пользоваться для своих нужд местными, обывательскими, гужевыми транспортными средствами. Чтобы старший начальник, при помощи этапно-транспортной части Упвосо, мог правильно разрешать и предусматривать организацию требуемого для операции гужевого транспорта, ему необходимо иметь самые подробные статистические цифры о данном театре военных действий, как-то: размещение населения, населенных пунктов, количество лошадей и проч.

Приводимая ниже таблица примерно содержит в себе все необходимые данные для расчета этапно-транспортных путей с местными обывательскими подводами (при этом предполагается, что местные подводы должны и фураж иметь на местах).

	Область, губерния, уезд и пр.
	Пространство в квадратных верстах.
	Численность населения (общая).
	Число сельских жителей.
	Число городских жителей.
	Число сельских населенных пунктов.
	Число городов.
	Число населенных пунктов менее чем в 50 дворов и % к общему числу селений.
	Число населенных пунктов менее чем в 100 дворов и % к общему числу селений.
	Число населенных пунктов менее чем в 200 дворов и % к общему числу селений.
	Число населенных пунятов менее чем в 300 дворов и % к общему числу селений.
	Число населенных пунктов более чем в 300 дворов и % к общему числу селений.
	Среднее число дворов на один сельский населенный пункт.
	Число лошадей, ослов и пр. на один сельский населенный пункт.
	Число подвод на один населенный пункт.
	Число квадратных верст на одно селение.
	Среднее число жителей на один сельский населенный пункт.

При описании отдельных маршрутов точно также необходимо освещать их цифрами относительно данных, приведенных в таблице.

Инженерная подготовка. В гражданской войне железные дороги имеют, обычно, случайное относительно границ значение, так как они строились не с целью подготовить в инженерном отношении данный театр, возникающий почти всегда неожиданно.

Крепости в гражданской войне, если с таковыми приходится иметь дело, также имеют совершенно случайный характер. Это совершенно ясно, если вспомнить как неожиданно в гражданской войне возникают границы между воюющими сторонами.

В нашей войне возникают полевые укрепленные районы, стремящиеся заменить крепости в их прежней форме.

Хотя такие укрепленные районы и не достигают, по крайней мере до настоящего времени, этих задач, тем не менее они играют большую роль, как особые, полевые военно-административные органы. Эти органы могут производить быстрые и продуктивные формирования и железной рукой обуздывать местные враждебные классы. В этом отношении значение укрепленных районов громадно и изучать их надлежит самым тщательным образом.

Для наших армий степень оборудованности театра в инженерном отношении, сверх железных, шоссейных и проселочных дорог и укрепленных районов, измеряется еще и степенью развития телеграфно-телефонной сети. Это происходит от бедности полевым телеграфным имуществом в сравнении с обслуживаемыми районами.

Поэтому необходимо самым тщательным образом изучать телеграфно-телефонную сеть, как правительственную, так и земскую, городскую и частную. Сведения, имеющиеся на картах и схемах, отличаются крайней неполнотой.



ОБЗОР
БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
Кр. Армии.



Действия броневых сил на Запфронте.

А. Богданов.

I.

Бронепоезда

Как создавались бронепоезда. С возникновением гражданской войны, которая, главным образом, велась на путях сообщения, коммуникационных линиях, большое применение и усовершенствование получили у нас, в Республике, бронепоезда — могущественное по своей силе огня и боеготовности вспомогательное средство борьбы. Несмотря на тяжелое в техническом отношении состояние нашей Республики все же мы смогли, при напряжении всех наших броневых-технических сил, создать такие бронепоезда, о которых стали говорить и писать наши враги, признавая и оценивая их могущество. Так например: в Приказе по 3 польской армии от 13 мая с. г. за № 84693 определенно говорится, что наши бронепоезда являются „серьезным и ужасным противником, который действует поразительно смело и решительно". (И. В. Ц. И. К. от 24 июля с. г.) Но для того, чтобы стали для нас вполне понятными эти слова, необходимо вкратце познакомиться с историей формирования и постройки наших бронепоездов, которая весьма и весьма своеобразна.

Первые бронепоезда, так называемые „бронелетучки", были сформированы и построены непосредственно на гражданском фронте нашими красногвардейцами в конце 17 и начале 18 года.

Это были обыкновенные, угольные, четырехосные платформы, с установленными на них пулеметами и орудиями; стенки этих угольников, дабы предохранить команду от пуль, усиливались шпалами и засыпывались песком. Товарищи красногвардейцы, основатели этих бронепоездов, сыграли не малую роль в истории развития броневого дела и их заботы первые послужили основанием для дальнейшего развития и усовершенствования конструкции бронепоездов.

С разгаром гражданской войны и усилением наших внутренних фронтов стали создаваться более усовершенствованные типы бронепоездов, в которых шпалы и песок были заменены броней, т.-е. стальными щитами толщиной от 6 до 8 миллиметров. С этого момента, т.-е. со второй половины 18 года, бронепоезда стали строиться уже не на фронтах, а на заводах, но все же не по одному определенному плану, а самых разнообразных типов и конструкций. Каждый завод старался выпустить свой бронепоезд, со своей командой. Вот почему у нас в Республике, в данное время, имеется масса разнотипных бронепоездов.

Говоря о бронеплощадках нельзя забывать самого главного, а именно паровоза,—это нерв всего броневика.

В начале гражданской войны наши бронелетучки работали с обыкновенными паровозами, но с усовершенствованием боевых площадок пришлось обратить серьезное внимание и на паровоз, предохранить машину от пуль и осколков снарядов, ввиду того, что бронепоезд-это вспомогательное средство борьбы, главным образом,—ближняго боя.

Для этого необходимо было паровозы „бронировать", т. е. покрыть их стальными щитами; таким постепенным усовершенствованием бронепоездов, вырабатываемым главным образом в боевой обстановке, мы достигли блестящих результатов и в настоящее время наши бронепоезда, по своей технике и количеству, могут соперничать с такими же любой державы.

Но решительность и смелость работы бронепоездов, надо сказать, не столько зависит от технических усовершенствований, сколько от личного состава бойцов. Наши бойцы—броневики почти все состоят исключительно из рабочих—добровольцев, которые, все как один, защищают Советскую Власть и коммунистическое Государство и скорее умрут, чем отдадут на растерзание мировой контр-революции нашу Советскую Республику. Этот взгляд и пролетарская спайка создали из наших бронепоездов броневую стену, о которую уже не раз разбивались все замыслы мировой буржуазии. Белые вполне верно оценили непобедимых бойцов наших броневиков и стараются их уничтожать.

Они, для этого, вздумали пойти по нашим стопам и стали пополнять свои бронепоезда исключительно офицерством,

добровольцами, но все же и эта мера не дала им ожидаемых, положительных результатов и большинство бронепоездов белых попало в наши пролетарские руки.

Значительная часть борьбы на внутренних наших фронтах, главным образом, ложилась на бронепоезда, так-как почти все операции велись в большинстве по железнодорожным путям, за обладание узловыми станциями и крупными городами, живых же сил в молодой Республике было очень не много, ибо только с 18 года началась создаваться наша красная армия.

Не последняя роль принадлежит нашим бронепоездам и на Запфронте.

Боевые примеры. Бронепоезда на Западном фронте принесли не мало пользы. Боевые эпизоды приводимые ниже вполне подтверждают это.

Одному из бронепоездов, оперирующему на железно-дорожной линии Речица-Василевичи и далее, до позиций противника, 7 мая сего года начальником боевого участка было приказано занять позицию на реке Ведреца и сдерживать наступление поляков, так как наши войска, под сильным их давлением, оставили свои позиции и отошли. Бронепоезд приказание исполнил, заняв позицию и сдерживал наступление поляков.

8 мая в 14 часов после взрыва моста нерез реку В., по приказанию Начальника боевого участка, бронепоезду было приказано отходить совместно с 2 полками пехоты, отступающими вдоль полотна железной дороги; пехотные части начали отступать, под прикрытием бронепоезда, до ст. Демиха. Отойдя до вышеуказанной станции, бронепоезд получил в 20 часов приказание спешно двинутся на ст. Речицу, а пехота начала отступать ближайшим путем. Бронепоезд, подойдя к первой будке ст. Речицы, заметил, что станция уже занята поляками и был встречен ружейным и пулеметным огнем. Открыв огонь по полякам, бронепоезд, выслал разведку для осмотра пути и стал сам продвигаться вперед к станции. Когда высланной разведке нельзя уже было продвигаться вперед, а противник стал окружать поезд и бросаться на него в атаку, бронепоезд открыл меткий ружейный, пулеметный и орудийный огонь. Противник был разсеян, что дало возможность перевести

стрелку на другой путь, (на этом пути стоял эшелон, заграждавший собой прямой путь), расчистить себе дорогу от шпал и бревен, наложенных противником и пробиться до моста через реку Днепр. Пробившись через мост бронепоезд стал на охрану его.

В этом бою нельзя не отметить то обстоятельство, что один бронепоезд, совершенно случайно, заменял собой живую силу—пехоту и артиллерию—и служил для наших отступающих частей арьергардом, и тем самым выполнил самостоятельную задачу.

Задача, возложенная на бронепоезд, а именно: отправиться на ст. Речица, не придав ему на всякий случай пехоты, была совершенно неверна. Бронепоезд, без приданной пехоты, выполнить самостоятельной задачи не может, так как все же он остается, главным образом, средством вспомогательным. В данном случае, бронепоезд прорвался только благодаря колоссальной выдержке красноармейцев и комсостава. Необходимо постоянно помнить, что бронепоезд,—это вспомогательное средство борьбы и, давая ему самостоятельную задачу, обязательно нужно придавать ему пехоту,—в противном случае бронепоезда в своем большинстве обречены на гибель.

Вторым характерным примером работы бронепоезда, но совместно с приданной ему пехотой, может послужить следующий бой. 28 мая сего года бронепоезд, оперирующий на линии Жлобин-Бобруйск, получил боевой приказ: сделать налет на раз‘езд №, а приданная ему пехота должна была занять окопы противника. В 5 часов утра бронепоезд, погрузив 2 роты N полка и N отряд, тихим ходом подошел к жел. дор. переезду, что в 2 верстах от раз‘езда №, высадил части пехоты, которые стали наступать, а сам полным ходом двинулся к раз‘езду №, дабы облегчить продвижение пехоты. Бронепоезд был замечен поляками и, последние, открыли по нему огонь; отвечая на огонь поляков, бронепоезд продвигался вперед и достиг линии окопов противника. Белополяки, не выдержав огня, бросили окопы и отступили. Бронепоезд все время вел огонь по полякам и грузил оставленные ими трофеи. В это время подошли наши пехотные части и заняли окопы противника. Бронепоезд перенес свой огонь исключительно по артиллерии и бронепоезду противника, а пехота

стала вести ружейную перестрелку с пехотой противника. Бронепоезд, видя, что продвижение вперед невозможно, т. к. железнодорожное полотно в сторону Бобруйска совершенно разбито и с этой позиции ему не удобно вести дуэль с бронепоездом противника, предупредив пехоту, отступил на кривую, откуда можно было вести огонь по бронепоезду противника из всех четырех орудий. В это время появились шесть неприятельских аэропланов, которые стали сбрасывать в наше расположение бомбы, а пехота противника повела наступление на две роты N полка. Последние не выдержав натиска, стали отходить на бронепоезд. В это время N отряд продолжал занимать еще окопы противника; бронепоезд, видя, что N отряд может оказаться отрезанным, продвинулся вперед к окопам, чем дал возможность N. отряду отступить в полном порядке. По выполнении возложенной задачи, бронепоезд, совместно с приданной ему пехотой, занял исходное положение.

При налете бронепоезда 28-го Мая им были захвачены следующие трофеи: одно трехдюймовое полевое орудие, вполне исправное, но без панорамы, один исправный пулемет „Максима“, сорок пять винтовок, трехдюймовых снарядов сто пятьдесят штук и пятьдесят ручных гранат.

Потерь, в этом бою, с нашей стороны не было.

Этот бой может служить ярким примером того, что только при вполне согласованных действиях всех родов войск, мы можем добиться блестящих побед при самых незначительных потерях.

Правильно поставленная задача, при умелом руководстве и стойкости исполнителей, всегда даст победу.





II.
Танки.

Для прорыва сильно укрепленной польской позиции между озерами Свядо и Долгое нами, впервые на Западном фронте, были применены танки (2-й танковый отряд под командой т. Мугиленко).

Дабы вполне обеспечить успех работы танков, пользуясь характером местности, представилось возможным дать боевую помощь танкам путем введения в бой одного бронепоезда. Для большего развития успеха прорыва позиции танками, при наличии проходимых дорог, был использован броневой автомобильный отряд.

Таким образом, получилась редко наблюдающаяся картина применения 3-х родов бронечастей на боевом участке, протяжение фронта, котораго было равно одной версте.

Операция была назначена к 5-ти часам утра 4 июля с. г.

2-го июля в 2 часа командиром танкового отряда и командирами отдельных танков была произведена специальная разведка местности вплоть до первой линии окопов противника. Благодаря лунной ночи, принятым мерам осторожности и абсолютному спокойствию противника, разведка дала ценные сведения: главное—установление проходимости танками речки между передовыми линиями противника и нашими.

Тут же были намечены маршруты движения отдельных танков в бою.

Бронепоезд находящийся на ст. Зябки, имел своей задачей отвлечь артогонь противника от танка. Подорванный жел. дор. мост ограничивал движение бронепоезда; последний мог приблизиться к передовой линии противника только на две версты и не мог принять участия в преследовании противника.

В 2 часа ⁴/VII, при полнейшей тишине, танковый отряд, в составе трех танков, разгрузился на ст. Зябки, в 3-х верстах от нашей передовой линии.

Исходное положение бронечастей к 5-ти час. ⁴/VII было следующее:

Бронепоезд в одной версте в тыл от ст. Зябки, танковый отряд в 1½ вер. южнее ст. Зябки, броневой автомобильный отряд в одной версте северо-западнее ст. Зябки, на грунтовой дороге. Назначенная к 4½ час. артиллерийская подготовка запоздала и началась в 6 час., велась слабо и вяло, и закончилась в 6 час. 15 мин.

В 6 час. 15 мин. все три танка вышли из исходного положения, двигаясь кильваторным порядком (в затылок) до наших окопов; артиллерийский огонь противника сосредоточился на бронепоезде, который курсировал от ст. Зябки до моста, имея наблюдательный пункт на водонапорной башне станции.

В момент переползания шедшаго впереди других танка через наши окопы, артиллерия противника открыла ураганный огонь по развертывающимся по фронту танкам. Наша пехота и специальные отряды прикрытия танков, с криками „УРА" стремительно бросились вперед.

Танк, шедший впереди, открыл артиллерийский огонь (гранатный, прицел начиная с 140) и пулеметный. Противник, убедившись в безрезультатности своего пулеметного огня по танкам, бежал в панике, оставив пулеметы, винтовки, патроны и раненых. Второй танк попал под сильнейший артогонь противника и курсируя, не видя пути от дыма рвущихся снарядов, попал в трясину и завяз.

Третий танк, заметив паническое бегство противника и сигнал „на помощь" со второго танка, поспешил к нему и взял его на буксир.

Первый танк, пройдя три линии окопов противника, закончил свою работу, так как, удар, нанесенный танками, вполне был поддержан нашей кавалерией, пехотой и автоброневым отрядом.

По окончании боя, команда 1-го танка, выйдя из него, частью упала в обморок. Командир танка был ранен, но остался в строю.

Все три танка были отведены на станцию, погружены и отведены в резерв армии.

Обращает на себя внимание и заслуживает быть отмеченным настойчивость команды танков в деле достижения поставленной им задачи: температура в закупоренном танке

доходила до 60°/o Цельсия, атмосфера была отравлена газами артогня и двигателя.

Удачно выполненная задача обратила внимание Главкома, приславшего танковому отряду „товарищескую благодарность“ и представление к ордену „Красного Знамени“ отличившихся.

Разбирая упомянутую операцию приходим к выводу:

1) Что артиллерийский огонь противника не мог принести танкам вреда потому, что сначала он велся по бронепоезду, на который и было обращено все внимание противника.

2) Танки как мишени, появились внезапно, артогонь по ним велся уже при наличии панического бегства пехоты, т. е. при растерянном и нервном состоянии артприслуги.

3) Отсутствие с нашей стороны хорошей артподготовки могло бы свести операцию к 0, так как артогонь противника, еслиб он небыл отвлечен бронепоездом, мог бы подбить танки.

4) Участие в произведенном прорыре броневого автомобильного отряда усилило мощность и длительность удара; противник не мог опомниться и отступал быстро в беспорядке.

Главным фактором, давшим нам успех, в операции является, несомненно, могучее моральное действие танков на противника и необычайный под‘ем духа в рядах нашей пехоты и кавалерии.

Действительный огонь с танков был слаб: всего выпущено 52 снаряда (три шрапнели, 49 гранат и 12 лент пулемета „ГОЧКИС“).

Не излишне упомянуть, что по сведениям полученным от жителей мест. Молодечно, у противника имелся эшелон танков (около 8 штук), который предполагался к переброске на ст. Задерье, т. е. на тот же участок, где был произведен нами прорыв. Переброска предполагалась к 7/7, но 4/7 лавры успеха применения танков нами были блестяще вырваны из рук противника.

Нельзя не отметить, что большая часть имеющихся у нас танков, отнята у противника не в бою, а на стоянках на ж. д. платформах. Отсюда вывод:—противник не может умело использовать танки, а может быть и то, что белые не применяют их из боязни потерять.



А. Григоров.

Березинская операция

(с 19 по 25 мая 1920 г.)

I. Первоначальная группировка и силы сторон.

Красная армия. Наступление 16-ой армии было предположено произвести на участках 17 стр. дивизии (совместно с Алатырской бригадой) и 8 стр. дивизии.

Перед началом операции, указанные части были расположены (к 15-му мая), считая от разграничительной линии с 15 Армией до устья р. Бобра, по фронту на 80 верст приблизительно 30—40 верст восточнее р. Березины, а далее к югу, до участка 10-й стр. дивизии, по фронту 60 верст почти непосредственно по левому берегу р. Березины (см. сх. № 1).

Польская армия. *К 13-му мая расположилась:*

а) 2-ая пех. дивизия легионеров (4.800 штыков, 400 сабель, 36 легких, 27 тяжелых орудий, 192 пулемета) по линии оз. Пелик—р. Уша (на 60 верстах).

б) одна бригада 6-ой пех. дивизии (2.400 штыков, 600 сабель, 18 легких, 9—18 тяжелых орудий, 96 пулеметов) по линии р. Березины от р. Уша до р. Ольса (на 70 верстах).

в) в резерве: 1) в Лиде: 17-ая Великопольская. (4.800 штыков, 36 легких, 27 тяжелых орудий, 192 пулемета). 2) в глубоком тылу: бригада 16-ой Поморской дивизии (2.400 штыков, 18 легких, 9—8 тяжелых орудий, 96 пулеметов).

Всего в 1-й линии: 7.200 штыков, 600 сабель, 288 пулеметов; 90—99 орудий.

Во второй линии—7.200 штыков.

Считая войска только первой линии, в среднем на одну версту фронта приходится:

55—56 штыков, 4—5 сабель, 2—3 пулемета; 1 орудие почти на 1,8 вер.

Перед форсированием р. Березины (к 18-му мая) польские войска занимали правый ее берег, располагаясь в окопах

усиленных проволочными заграждениями, у дер. Осова, З. Нивки, Мурова, З. Суни и Жуковец; при чем:

1) Участок от устья р. Бобр до устья р. Уша (около 8 вер.) оборонялся одним батальоном 2-го полка легионеров при 8 пулеметах и двух легких орудиях (в районе д. Мурова) и моторных лодках.

2) Участок от устья р. Уши к югу 16-м пехотным полком, выставившим сторожевое охранение по правому берегу р. Березины;

3) Ближайшие резервы были расположены:

а) в г. Игумене—7 и 8 пехотные полки и 4-й уланский полк; и

б) в районе м. Пуховичи—20-ый пехотный полк.

Заключение. Красная Армия, приблизительно на равном фронте, имела почти двойное превосходство в числе штыков, и в числе сабель; несколько уступала в числе пулеметов и имела почти вдвое меньшее число орудий.

Имея-же ввиду только участки, на которых, главным образом, происходили операции, численное превосходство Красной Армии, не исключая и количества орудий, было еще значительнее.

II. Планы сторон.

Красная Армия. Общее наступление 16-й Армии было назначено на 19 мая.

Командарм 16-ой тов. Соллогуб предполагал:

1) 17-ой стрелковой дивизией форсировать главными силами р. Березину на участке устье р. Бобр—д. Жуковец и, сбив противника, к вечеру $^{17}/_{5}$ овладеть районом: устье р. Рова—Перстень—Забашевичи—Градно—р. Уша до Устья. В дальнейшем овладеть Борисовским районом—Смолевичи.

2) Алатырской бригадой—атаковать Борисовское предмостное укрепление, нанося главный удар—Б. Улаходы—Гливен.

3) 8-ой стрелковой дивизией форсировать р. Березину на участке устья р. Брусята—устья р. Клева, сбить противника и к вечеру $^{17}/_{5}$ овладеть районом: Пружанка—Жермец—Микуличи—Гута.



СХЕМА №1

действий 8 и 17 стрелковых дивизий 19–26 мая 1920 г.

Условные знаки:

- - - - - - расположение 15-го мая

—×—×— расположение 23-го мая

—॥—॥— расположение 26-го мая

1:420000

10 8 6 4 2 0 10 20

Масштаб 10 верст в дюйме.

К статье „Березинская операция“

4) В дальнейшем 8-й дивизии ставилась задача: овладеть гор. Игумен и выйти на фронт деревень: Гребенка—Зайцы—Игумен.

Для содействия указанной операции, 10-й и 57-й стр. дивизиями предполагалось овладеть соответственно районом Бобруйска и Речицким предмостным укреплением.

Таким образом, для исполнения поставленной 16-й Армией задачи было направлено:

а) Несколько менее $1/3$ силы (Алатырская бригада)—для овладения Борисовским предмостным укреплением;

б) Около $1/8$ (17 дивизия)—для форсированья р. Березины на участке 12 верст и дальнейшего овладения Борисовским районом.

Принимая во внимание, что Игуменское направление содействует к овладению обходом Минского уезда,—важнейшего местного об'екта действий,—назначение на это направление немного более $1/3$ сил, в то время, как для овладения Борисовским районом, лишь прикрывающего с фронта Минский район, было назначено около $2/3$ сил,—следует признать не вполне целесообразным.

Польская Армия. Повидимому, наступление Красной Армии в крупном масштабе не было предвидено поляками, и первое время они ограничились лишь обороной с целью выиграть время для получения подкреплений.

III. Исполнение операций.

Основной приказ Начдива 17-ой стр. I. Начдивом 17 был отдан следующий приказ о начале переправы 19-го мая в 4 ч. дня:

А. 49 стр. бригада с 1, 3 и 4 легкими батареями и 2-й батареей 17 гаубдивизиона начать переправу на плавучих снарядах от устья р. Бобр до устья р. Манча, сбить противника и овладеть районом д.д. Осова—Черневичи—З. Суни, прикрыть этим наводку моста у д. Чернявка, имея конечною целью овладение районом: р. Ровад д. Перетень—Забавиевко—Забашевичи.

Б) 51 стр. бригаде начать переправу на плавучих снарядах от устья р. Манча до д. Жуковец, сбить противника, овладеть районом З. Калюжица—Мощаница—З. Любачь, при-

крыть наводку понтонного моста у д. Жуковец, имея конечною задачею—выдвижение на линию ф. Негин—3. Рыбачинской—д. Градно.

В) Алатырской бригаде упорно оборонять участок от устья р. Сергуч до устья р. Бобр; к вечеру 19 мая сосредоточить в районе д. д. Дроздино -3. Берня - 3. Шебиково не менее 4-х баталионов. По переправе 49-й и 51-й бригад атаковать Борисовское предмостное укрепление, нанести главный удар в районе Ухалоды-Гливень, отбросить противника на правый берег р. Березины и обеспечить за собой переправу у гор. Борисова.

Г) 17-й кавполк к вечеру 19 мая сосредоточить у д. Новоселки, имея в виду по переправе одной из бригад на правый берег р. Березины, бросить кавполк в тыл противника.

Д) 50 стр. бригаде составить дивизионный резерв и из района д. д. Узнаж-Гумны с началом переправы перейти в д. Орешковичи.

Начдива 8-й стр. див.

II. Начальник 8-й стр. дивизии предписывал следующее:

А) 22 стр. бригаде, сосредоточившись в районе Жировка-Селище форсировать р. Березину в 4 часа, а к 20 час. овладеть районом Жарновка—Пружанка—Жеремец—Микуличи—М. Березино, имея дальнейшею задачею—выход на линию сл. Гребенка-Буда.

Б) 24 стр. бригаде, сосредоточившись в районе Косовка—Гареничи, форсировать р. Березину на участке м. Березино (исключительно) до устья р. Клева, к 20 часам овладеть районом д. д. Тростяника—ф. Николаевка—3. Мартиновка—Гута; дальнейшею задачею ставилось выход на линию Буда—Рудня—Лежни.

В) Один полк 24 стр. бригады был расположен в качестве дивизионного резерва в м. Погост.

Г) Артиллерия была расположена следующим образом:

а) на участке 22 бригады—16 трех-дюймовых орудий, на участке 24 стр. бригады—8 трех-дюймовых и два 42-линейных орудий. Этой артиллерии ставилось задачею „в случае огневого сопротивления противника нашей переправе, поту-

шить огонь, выбить противника из района с. Макаровка*), обеспечив надежное закрепление пехотных частей".

б) в районе д. Новоселки была сосредоточена ударная группа Садлуцкого, в составе: 8 трехдюймовых, 4 шести-дюймовых и двух 42 линейных орудий, которой ставилась задача — борьба с артиллерией противника и уничтожение его укреплений в районе м. Березино и для „парализования попыток неприятеля к переправе в этом пункте".

в) Из группы Садлуцкого были еще назначены 8 трехдюймовых орудий в распоряжение Начдиврезерва м Погост (8 вер. по воздушной линии от р. Березины).

г) Из той-же группы Садлуцкого одна батарея гаубиц была назначена в непосредственное распоряжение Начартдива „став на позицию в д. Козлов-Берег" (18 вер. от м. Березины по воздушной линии).

Заключение об основном приказе. Не останавливаясь на всех подробностях очень обширных приказов, отданных Начдивами перед началом операции и, признавая в общем правильность их, следует отметить некоторые наиболее важные их особенности, несомненно имевшие свое влияние на исполнение операций.

а) Приказ по 17-ой Дивизии.

а) Дает распоряжения общего характера относительно боевых задач и заключает много подробностей, которым место в особом наставлении;

б) Предусматривает использование артиллерии только на участке 49 бригады;

в) Относительно употребления артиллерии на участке 51 бригады-указаний нет;

г) Задачи артиллерии не указываются, имея, повидимому, ввиду лишь общее содействие ее пехоте.

б) Приказ по 8-ой Дивизии.

а) По форме оставляет желать лучшего, так как, при обширности данных, не вполне соблюдена последовательность изложения, и иногда в ниже стоящих пунктах даются допол-

*) На 10-верстной карте нет, — на четверть версты южнее д. Тростянка.

нительные сведения и распоряжения к выше стоящим;

б) Артиллерия дивизии распределена по бригадам, а приданная группа Садлуцкого расчленена на три группы: ударную-д. Новоселки, дивизионный резерв-м. Погост, и, повидимому, тоже резерв Начартдива-д. Козлов-Берег.

в) Руководство действиями артиллерии не об'единено в одних руках;

г) Артиллерии бригадных участков поставлена задача: „в случае огневого сопротивления противника потушить его огонь". Если это вызывалось желанием произвести скрыто операцию и не спугнуть противника слишком рано, то следовало-бы придать этому указанию другую форму, так как при данной редакции это распоряжение как-бы указывает на недостаточную оценку того мощного содействия, которое современная артиллерия может дать при наступательной переправе.

д) Группа Садлуцкого выделена в особую группу—у дер. Новоселки—и в два резерва—в м. Козлов-Берег и м. Погост.

Для ударной группы (у д. Новоселки), кроме положительных целей—„борьба с артиллерией противника и уничтожение укреплений его в районе м. Березино",—предусматривается еще, так сказать, пассивная задача—„парализование попыток неприятеля к переправе в этом пункте".

По имеющемуся материалу трудно выяснить почему составитель приказа счел необходимым сделать такое указание, ибо естественною обязанностью каждого начальника является оказание неприятелю противодействия в его попытках нанести нам вред, но на постороннего человека это указание производит впечатление, что, отдавая распоряжение о наступлении, руководители его как-будто не вполне верят в его успех и опасаются, что противник предупредит их и перейдет сам в наступление.

Это заключение, которое при других условиях можно было-бы и не высказывать, повидимому довольно близко к действительности, так-как только этими психологическими причинами, как увидим далее, и можно сколько нибудь удовлетворительно об'яснить тот крупный недочет в использовании артиллерии, который имел место при назначении ее в два последовательных резерва (у м. Погост и у д. Козлов-Берег).

Выделенные из группы Садлуцкого 8 трех дюймовых орудий в дивизионный резерв и гауббатарея в распоряжение Начартдивов, расположены в 8 и 18 вер. по воздушной линии от намеченного места переправы.

Таким образом, от использования значительной части артиллерии при наступательной операции как-бы отказались с самого начала. Причиной такого употребления артиллерии мог быть недостаток в снарядах или в лошадях, не позволяющей выдвинуть ее в боевую часть, но этого фактически не было. Предположение, что руководителям операции не вполне ясна была та роль, которую играет в современных боях артиллерия-вряд-ли отвечает истине, имея в виду их боевую опытность.

Остается, уже высказанное ранее предположение, что причины эшелонирования артиллерии тремя группами имеют психологическое основание: опасение за возможность не удержать напор, перешедшего в наступление противника, боязнь потерять свою артиллерию, а потому и необходимость заранее подготовить для себя тыловую позицию.

ж) Большое значение для 8 дивизии имел несомненно ее правый фланг,—стык с 17 дивизией, так как вся операция этих дивизий намечалась в крупных чертах в направлении на северо-запад; поэтому и расположение диврезерва, казалось-бы целесообразнее продвинуть более вправо, а не оставить его строго в середине (м. Погост).

Операции 19-го мая. Согласно указанного приказа 17 дивизия начала наступление в 5 часов 19-го мая.

147 полк, пользуясь туманом, к 7 часам 55 мин. переправил на лодках один баталион, который двинулся в обход д. Мурова для захвата батареи противника, остальные батальоны полка продолжали переправу.

145 полк, в 8 час. переправился южнее д. Мурова и двинулся на д. Черневичи.

146 полк, начал переправляться в 8 час. за 145 полком. Переправа была произведена скрыто от противника, который только в 8 ч. 15 мин. обнаружил наши части у д. Мурова и открыл пулеметный огонь.

152 полк переправился у устья р. Манча в 5 час.

151 полк в двух верстах сев. д. Жуковки и в 7 час. после короткой перестрелки занял эту деревню.

50-я бригада (диврезерв)—в 7 час. 20 мин. выступила из района Узнаж-Гумны в Орешковичи.

8-ая дивизия.

64 и 65 полки начали переправу в 5 час. 30 мин. у устья р. Брусяты и заняли к 14 час. д. Жорновку и м. Березино несмотря на ружейный и пулеметный огонь противника.

71 и 72 полки переправились в районе д. Негоничи-з. Осиновка-Гряда и заняли д. Негоничи, Гута, д. Тростянка и Поплавы.

Таким образом, первый и наиболее важный период форсирования переправы произведен вполне удачно. 19-го мая части дивизий заняли указанные пункты, создав себе выгодные условия для дальнейшего успешного развития операции.

Операции 20 мая: К концу второго дня операции, части достигли следующих пунктов:

17-ая дивизия.

50 бриг.—южной окраины д. З. Замок; з. Замок и Мурова; юго-западнее д. Снуи.

51 бриг.—д. Уша, д. Князевка и д. Осова.

49-я бригада оставлена в диврезерве в районе переправы Мурова, Лавницы, где 146 и 147 полки приводились в порядок.

6-я легбатарея и 1-я гауббатарея в 18 час. 30 мин. начали переправу у д. Жуковец.

8-ая дивизия.

22-я и 24-я бриг.—д. Коронец, Микуличи, Логи, Холопы, отбив яростные атаки противника. Атаки сопровождались участием артиллерии с обоих сторон.

23 бригада двигалась из Димитриевичи к переправе у д. Жорновка.

Таким образом, на второй день операции, правый фланг 17 дивизии и левый фланг 8-й дивизии не могли развить свой первоначальный успех; центры же дивизий, особенно 8-й, значительно продвинулись вперед, расширив плацдарм на правом берегу Березины местами до 16 верст (у д. Логи),

при фронте около 35 верст. Противник, повидимому, начал оправлятся от внезапного удара предыдущих дней и стал оказывать сопротивление, вводя в дело более сильную артиллерию.

Несмотря на успешное развитие операции на второй день задача, поставленная директивой командарма 16, не была дивизиями достигнута полностью.

17-я Дивизия.

Операции 21 мая. Части Алатырской бригады, перейдя в наступление и, заняв линию д. д. Кищина Слобода-Житково-Стайки-З. Беги, были задержаны огнем легкой и тяжелой артиллерии противника; лево-фланговый полк бригады (21-й) переправившийся через реку Березину в районе З. Беги-Новоселки, вследствии сильного артогня противника был вынужден отойти.

49-я бригада, имевшая сначала успех на своем правом фланге заняла д. Ливки, но под давлением противника отошли на линию ф. Мурова - д. Мурова.

От 50-й бригады сведений не имелось.

51 бригада, преодолевая упорное сопротивление противника, наступала на д. д. Черневичи-Шабинки, ф. Озерцы и д. Князевка.

8-я Дивизия.

К 20 часам заняла линию д. д. Котово-з. Клинов-з. Вишенка-Слобода-Юрздык-Рованичи-Юровичи-Хутор-Гануда.

2 эскадрона 8-го кавполка, переправившись через р. Березину у дер. Перевоз, заняли д. Городище.

Таким образом, за 21 мая 49-я бригада осталась почти на месте, встречая сопротивление противника. Левый фланг 17-й дивизии и вся 8-я дивизия значительно продвинулись вперед, удалившись местами от м. Березино почти на 30 верст и, обеспечив себе левый фланг, заняли д. д. Осмоловка и Городище двумя эскадронами 8-го кавполка.

В общем противник довольно легко уступал давлению Красной Армии, проявляя, как указано, более значительное сопротивление лишь на правом фланге 49-й бригады.

17-я Дивизия.

Операции 22 мая. Попытки Алатырской бригады на ее правом и левом фланге не удались, вследствии сильного артогня противника. В центре (в направлении на г. Борисов) занята д. Неманица.

49-я бригада задержана сопротивлением противника у д. Осова.

50-я бригада делала попытки движением в обход д. Осова с запада облегчить действия 49-й бригады, но контрударом противника обе бригады на правом фланге несколько оттеснены назад.

51-я бригада несколько продвинулась вперед, достигнув д. Рыбачинской.

8-я Дивизия.

Вся дивизия значительно продвинулась вперед и заняла линию: Рудня-Черновская-сл. Черновская-Островиты-Острова-д. Дубск-Хоромки-Лучь-дер. Устье-д. Осмоловка-Городище.

Под Игуменом бой с упорно обороняющимся противником.

8-й кавполк движением из д. Берятичи занял д. Якшицы, продолжая движение на д. Бычин. Но противник фланговым ударом пехоты и конницы прижал полк к реке Березине и отрезал ему путь отступления.

Вся артиллерия дивизии к этому времени была переправлена на правый берег р. Березины.

Результатом боев за 22-е мая было: задержка, даже оттеснение назад, правого фланга 17-й дивизии, значительное продвижение центра 8-й дивизии и крупная неудача с 8-м кавполком на крайнем левом фланге.

В тот-же день вся артиллерия 8-й дивизии была наконец сосредоточена на правом берегу р. Березины.

Действия противника сводились в общем к удержанию флангов (у д. д. Осова и Якшицы) и довольно слабому, кроме обороны Игумена, сопротивлению в центре. Но в этот день уже начали проявляться более определенно признаки того маневра, которым противник расчитывал парализовать наш успех на правом берегу р. Березины: слабо удерживая центр,— нанести мощные удары на оба фланга. Это выразилось оттеснением частей 17-й дивизии от д. Осова к з. Нивки и окружением 8-го кавполка около д. Якшицы.

17-я Дивизия.

Операции 23 мая. Алатырская бригада, после произведенной накануне перегруппировки, сосредоточилась на линии деревень Волосовичи-Дроздино-Оздятичи-Лавница, продолжая оттягиваться к югу на З. Оршековский-Прудок.

49-я бригада, при поддержке легкой и тяжелой артиллерии, наступала на д. Осова и Черневичи-Шабинки, но под сильным натиском противника, оказывая ему упорное сопротивление, вынуждена была отойти на линию ф. Мурова-з. Замок, где и закрепилась.

50-я и 51-я бригады, под натиском противника, отошли и закрепились на линии: з. Снуи-д. Калюжица-д. Мощаница, причем состояние частей потребовало приведения их в порядок.

8-я Дивизия.

22-я бригада после неоднократных атак, под натиском противника несколько отошла назад, на линию д. д. Слобода-Хутор-Ск. Володута.

23-я бригада остановила наступление противника на линии д. Дряхча (сев.)-Городище-Войноловичи, но к вечеру была несколько оттеснена назад на линию д. д. Домовицкое-Вишенка-Дряхча (южн.)-Дерюцкая.

24-я бригада заняла г. Игумен. На левом фланге бригады противник повел наступление от д. Ляды на д. д. Богушевичи-Гонуты и после упорных боев взял их.

Таким образом, 23-го мая наступление 17-й дивизии не только окончательно приостановилось, но она даже была несколько оттеснена назад и перешла к обороне. Правый фланг 8-й дивизии также несколько подался назад; за то центр достиг значительного местного успеха, заняв г. Игумен. С другой стороны, давление противника на левый фланг оперативной группы значительно возросло и он должен был податься назад верст на 8.

Этот успех поляков имеет об'яснение в тех мерах к парализованию успехов Красной Армии, которые были приняты к этому времени польским Командованием и которые точно указаны в приказе по 4 пехотной дивизии легионеров от 22 мая.

Противник за это время успел сосредоточить 3 сборные группы, составленные из разных частей до отдельных рот включительно.

Общею задачею было поставлено: „отбросить втянувшегося противника за р. Березину и занять прежнюю линию на западном берегу".

Исполнение возлагалось на три группы:

1-я группа—полковника Андерсана, в составе $6^1/_2$ баталионов и Уланского полка, предназначалась для действия на левом фланге нашей 8 дивизии и имела ближайшую задачу:

а) занять линию д. Якшица-Городище-Богушевичи-Будкова-Хутор-Стар. Прудок и б) уничтожить наш мост у д. Якшицы.

Прикрытие левого фланга группы было возложено на 15-й Уланский полк в районе д. Стар.Прудок.

2-я группа—полковника Торвида,—в составе $1^3/_4$ баталиона, I эскадрона конных стрелков и I-й батареи, действовала в центре, имея задачею занять линию д. д. З. Березовка-Дубовричи.

3-я группа—майора Тесаро,—в составе 5 баталионов и двух батарей, была назначена для действия на нашем правом фланге и имела задачей:

а) энергичною атакою занять линию д. Мурова, вдоль р. Березины-д. Калюжица-д. Князевка и

б) уничтожить мост у д. Мурова.

Кроме того, в тылу были разбросаны резервами небольшие части: 1) 4-й уланский полк (до 22 мая в д. Прудок), от него эскадрон в д. Домовицкое. 2) Одна рота 70 полка двинута из сл. Черновая в д. Ок. Володута; остальные роты первого баталиона 70 полка-в г. Игумен, 3) третья батарея 4 артполка из Смолевичей, при необходимости, должна была поступить в распоряжение полк. Торвида.

По исполнению указанных задач, частям были поставлены новые цели:

1) Группе полк. Андерса—занять линию р. Березины до м. Березино включительно, уничтожив все мосты и переправы через реку на всем участке.

15-й Уланский полк, как резерв, должен был перейти в м. Богушевичи.

2) Группа полковника Торвида: а) одной колонной атаковать через д. Микуличи на д. д. Поплавы-Тростянка на м. Березино; б) другой колонной-через д. Жеремец на д. Жорновка и занять участок от моста у м. Березины до д. Жорновка.

3) Группе майора Тесаро—занять линию р. Березины до Участка группы полк. Торвида.

4) Резервы: а) 4-й Уланский полк, 1/2 баталиона 32 пех. полка и одна рота 70 полка из д. Ок. Володута 23 мая перейти до д. Дубовричи; б) остальная часть первого баталиона 70-го полка остается в г. Игумене.

В этом приказе следует отметить:

1) Определенность и простоту немногочисленных поставленных частям задач;

2) Правильную оценку обстановки и сообразно с этим целесообразное распределение сил:—очень сильные ударные группы на флангах и слабое, как-бы, прикрытие с фронта.

3) Стремление не только правильно указанным движением, но и маневром помочь соседу:—направление центральной группы на м. Березино;

4) Несмотря на сравнительную малочисленность собранных для контр-удара частей и набор их мелкими пакетами, определенно выраженное стремление наступать, захватить инициативу в свои руки и применять маневр.

Не имея точных распоряжений по польской Армии, касающихся Березинской операции, кроме приказа от 22 мая, тем не менее, из сопоставления предуказанных им мероприятий и действиями поляков за предыдущие дни, имеется основание придти к заключению, что основная идея противодействия нашему прорыву оборонительной линии р. Березины—оттягивание центра и удержание флангов, а при переходе в контр-наступление-главные удары на оба фланга; стремление достигнуть окружения противника красною нитью проходит через все действия поляков за все время операции.

Это показывает не только правильную оценку обстановки и соответственно ей принятое решение, но и настойчивость воли командования в проведении раз установленной идеи.

17-ая Дивизия.

Операции 24 мая. *Алатырская бригада.* Противник в течение часа обстреливал тяжелой артиллерией район

д. Ломница Бол. и Мал. Негновичи (в 16 час. 24 мая бригада поступила в подчинение Начдива 21).

49-я и 50 бригады сделали попытки продвинуться вперед и достигли в этом некоторого успеха.

От остальных частей 17-й дивизии и от 8 дивизии сведений не поступало.

21-я дивизия.

Операции 25 мая. Начали прибывать части дивизии.

Алатырская бригада в 12 час. заняла г. Борисов.

17-я дивизия.

На участках 49 и 50 бригад противник с рассветом перешел в наступление, при поддержке артогня; переход в контр-наступление бригад дал сначала успех, но к вечеру противник снова оттеснил их даже дальше позиций, занимавшихся ими накануне.

51-я бригада под натиском противника и ввиду создавшегося положения на правом фланге 8-й дивизии, отошла за реку Белица и после упорных боев была оттеснена на линию ф. Мощаница—д. Мощаница—з. Межуречье—з. Любач.

Бывший на этом участке 59 кавполк отошел из з. Любач, в районе д. Жуковец, на левый берег р. Березины.

В 6 час. 30 мин. прибыл в район дивизии (д. Лавница) 23-й тяжелый дивизион (2 батареи).

8-я дивизия.

22-я бригада, ведя с разсветом бой с превосходными силами противника, отошла на линию д.д. Жеремец—Поплавы. Донесение начдива констатирует, что части дивизии страшно утомлены и утратили в значительной степени наступательный порыв.

21-я дивизия.

Операции 26 мая. *20-й полк*, разбросанный по левому берегу р. Березины сев. г. Борисова, разведкою выяснял переправы через реку.

63-я бригада, переправившись через р. Березину южнее Борисова (у д. Гливен), движением на северо-запад—на д.д. Печи—Бол. Уперевичи—стремилась облегчить действия у г. Борисова.

61-я бригада высаживалась с жел. дороги в 6 верст. восточн. гор. Борисова (у д. Стайки).

17-я дивизия.

Заняла линию от р. Березины на ½ версты юго-восточнее з. Нивки—зап. д. Мурова—юго-вост. д. Черневичи—вост. д. Шабинки—сев.-зап. Калюжица—сев. вост. д. Уша—левый берег р. Березины у дер. Жуковец, ведя по всей линии упорный бой с противником.

49 и 50 бригады оставались на правом берегу, а 55-я бригада—на левом.

17 кавполк перебрасывался на правый берег р. Березины.

8-я дивизия.

Заняла линию по левому берегу р. Березины от пункта, что на 3 вер. зап. д. Жорновка на оз. Опоры—ф. Полозы.

При отступлении 67 и 68 полки были отрезаны; 67 полк пробился, от 68 полка сведений не поступало.

Березинское предмостное укрепление осталось в наших руках.

Этим, строго говоря, окончились серьезные действия по форсированию р. Березины. В дальнейшем операции выражались попытками 17 дивизии расширить свой участок на правом берегу р. Березины, но это каждый раз встречало сильные контр-удары противника, стремившегося отбросить все наши части на левый берег р. Березины.

IV. Общее заключение.

Операция по форсированию р. Березины продолжалась, таким образом, с 19 по 26 мая.

По ходу событий она естественно распадется на два периода:

первый период с 19 по 23 мая включительно;

второй период с 24 по 26 мая включительно;

Первый период может быть охарактеризован, как мощный порыв Красной Армии вперед, доставивший ей значительный местный успех и окончившийся взятием г. Игумена.

Операция по переправе через р. Березину, заранее подготовленная, была произведена достаточно скрыто и умело, что, в связи со слабостью противника, и доставило первоначальный успех Красной Армии.

Но с самого же начала успех этот развивался не равно-

мерно: в то время когда центр, при незначительном сопротивлении противника, энергично продвигался вперед,-фланги, особенно правый,-почти сразу же замирают на месте на все время операции.

Второй период ознаменован потерей Красной Армией инициативы и стремления вперед, с переходом сначала к недостаточно стойкой обороне, главным образом, в центре и на левом фланге, а впоследствии и к отходу на левый берег р. Березины.

Противник, повидимому не ожидавший нашей операции в том размере, в каком она была предпринята, начал сопротивление, уступая Красной Армии в числе почти вдвое. Но в конце операции он успел сосредоточить, надерганных более чем из 15 отдельных частей, 12.500 штыков, 1.500 сабель, 50 орудий, в то время, когда Красная Армия к концу операции имела всего около 5.500 штыков.

Письменные документы, имеющиеся в нашем распоряжении, не дают возможности установить с необходимою точностью многие факты, касающиеся положения частей, распоряжений начальствующих лиц, действий войсковых частей и т. п., а потому, естественно, что и выводы, делаемые при отсутствии столь важных данных, не только не могут претендовать на вполне справедливую оценку, но, несомненно, включают в себе не мало ошибок, быть может даже и грубых.

Тем не менее и из таких, далеко не полных документов, имеется, казалось-бы, основание сделать нижеследующие выводы.

Красная Армия.

Выводы принципиального характера. 1) Правильная оценка первоначальной обстановки и соответственная этому постановка главной цели-овладение Минским железнодорожным узлом и ближайший захват г. Игумена и г. Борисова.

2) Правильный выбор направления для удара-обход правого фланга противника, как кратчайшего и более полно содействующего операциям 15-й Армии.

3) Для исполнения операции было назначено:

а) немного менее $^{1}/_{3}$ сосредоточенных сил для удара с фронта и ближайшего обхода на г. Борисов. б) около $^{1}/_{3}$-для

более глубокого обхода г. Борисова и в) несколько более $^{1}/_{3}$ для движения на Игумен.

Хотя левой группе (8 дивизии) и была придана более могучая артиллерия, но тем не менее такое почти равномерное распределение сил вряд-ли возможно признать правильным, тем более, что правая группа (Алатырская бригада) в первый период операции не проявила особо энергичных действий.

Казалось-бы, целесообразнее было, имея с фронта еще более слабые, как бы прикрывающие части,-что не было опасно, ибо по всем признакам поляки здесь (от г. Борисова) не намеревались перейти в наступление,—усилить обходные и особенно левую группу.

4) Умелая предварительная подготовка операции при соблюдении скрытности.

Выводы относительно исполнения операции. 1) Благодаря скрытности подготовки и энергии в исполнении, переброска передовых частей на правый берег р. Березины была произведена достаточно скоро и удачно и создала Красной Армии благоприятные условия для дальнейшего успешного развития операции.

2) Такое исходное положение не получило однако в полной мере своего естественного развития в первый период (с 19 по 23 мая) операции, а во второй [с 24 по 26 мая]—получило для Красной Армии даже неблагоприятный оборот, окончившийся возвращением ее почти к тем позициям, которые она занимала перед началом переправы.

3) Причины этого, казалось—бы, кроются:

а] в распределении сил по раз установленному трафарету; в крупных войсковых соединениях (дивизиях и бригадах) почти всегда $^{2}/_{3}$ назначается в боевую часть и $^{1}/_{3}$ в соответствующий резерв. С большею вероятностью надо полагать, что это распределение проводилось также и ниже,—в полках, баталионах и ротах.

Оценивая-же бывшую обстановку, особенно учитывая неподготовленность поляков к нашей операции, и стремление возможно шире использовать принцип „внезапности“ и нанести с самого же начала могучие удары,—следовало-бы боевые части создавать более сильные, делая резервы более слабые и, даже, сборные.

Быть может более сильные боевые части позволили бы еще в начале операции сломить упорство обороны, а сборный резерв—поддерживать атакующих своими же частями, что несомненно сказалось бы на духе и энергии атакующих.

б) В недостаточном и частью неправильном использовании артиллерии.

Так, в 17 дивизии артиллерия сначала была распределена, повидимому, по бригадным участкам; основных задач от старшего начальника ей не было поставлено.

Такое положение допустимо и может считаться обоснованным, если старший начальник располагает вполне опытными сотрудниками в лице младших исполнителей по артиллерийской части, но данных судить насколько полно артиллерия содействовала достижению поставленной дивизии цели, не имеется.

Артиллерия, входившая в состав 8 дивизии, была распределена частью по бригадным участкам, частью в трех особых группах: одной ударной и двух резервных.

Подобное распределение артиллерии следует признать неправильным.

Артиллерия, как правило, должна быть использована целиком в боевой части; назначение ее в тыл может быть оправдано лишь особыми условиями, например, для предварительного занятия тыловой позиции при преднамеченном уже очищении главной.

Опасения за нестойкость пехоты и боязнь потерять артиллерию не должны иметь места, ибо только артиллерия мощно содействующая своей пехоте, а при необходимости не страшащаяся и жертвовать собою во имя достижения общей цели, будет поддерживать моральное настроение колеблющейся пехоты и настолько заставит последнюю ценить себя, что пехота будет видеть в артиллерии могучего и надежного сотоварища в тяжелых минутах и, конечно, отучится от скверной привычки с легким сердцем бросать свою артиллерию на произвол судьбы.

в) Артиллерия слишком далеко держалась в тылу во время всей операции и была слишком поздно переправлена на правый берег р. Березины.

Артиллерия 8-й дивизии полностью была переправлена

лишь 22 мая в то время, когда передовые части пехоты не только углубились более чем на 30 вер., но уже начали и отступать.

23-й тяжелый дивизион (на участке 17 дивизии) прибыл лишь 25 мая и, повидимому, не принимал особого участия в операции.

Таким образом, как бы по своей воле отказывались от содействия артиллерии, что не могло не сказаться самым нежелательным образом на действиях дивизии.

г) Конница или довольно неумело руководилась, или была робка в своих действиях; при этом разведка, повидимому, оставляла желать много лучшего, так как только этим, напр., можно об'яснить „прижатие" к реке Березине и „отрезание" пути отступления 8 кавполка 22 мая.

Попыток конницы к содействию своей пехоте энергичными наступательными действиями не было заметно.

4) Переброшенные на правый берег р. Березины дивизии в недостаточной мере согласовали свои действия. Дивизии работали каждая как бы за свой страх, мало применили маневр для гармоничного и планомерного развития операции во всем об'еме, а ограничились стремлением достигнуть лишь своих собственных целей.

Вследствие этого, вероятно, 8-я дивизия слишком увлеклась движением в Игуменском направлении, не вполне оценив значение ее движения для 17 дивизии и для всей операции в направлении на д. Клиники-М. Смолевичи:

Точно также маневр мало и с недостаточной энергиею применялся даже в районах действий дивизии частями их, чем, казалось бы, можно об'яснить всю тщетность стремлений 17 дивизии развязать себе руки на своем правом фланге.

5) Относительно духа и стойкости боевых частей высказаться определенно, вследствии отсутствия положительных данных, не представляется возможным. Общее впечатление таково, что первоначально имевшийся на лицо порыв к наступлению был недостаточно глубок, а потому и иссяк как только со стороны противника было проявлено более упорное сопротивление.

6) Все указанные причины имели следствием *потерю времени*, чем не замедлил воспользоваться противник и со-

средоточил столь значительные силы, что, при умелом их использовании, поляки смогли 24 мая перейти в решительное наступление и вырвать инициативу из рук Красной Армии.

Таким образом, смело задуманная, тщательно подготовленная и с большим наступательным порывом вначале поведенная операция,—во втором периоде ее развития ознаменовалась потерею инициативы и наступательного духа, постепенным отходом по всему фронту, вялым отбитием назойливых атак противника и занятием в конце концов того же положения какое было перед началом операции.

Эти результаты несомненно являются следствием, кроме указанных выше причин, еще и нарушения важных принципиальных данных к каковым можно-бы, повидимому, отнести:

а) Не вполне правильное распределение сил, согласно поставленных целей.

б) Недостаточная согласованность в действиях различных родов войск и разных частей к достижению общей задачи.

в) Не всегда правильное использование различных родов войск, главным образом, артиллерии.

г) Повидимому, большая впечатлительность войсковых частей и быстрая смена у них настроения.

д) Неполная оценка значения времени, которое было слишком щедро подарено противнику.

Польская Армия.

Со стороны поляков можно бы указать следующие особенности:

а) Недостаточная осведомленность о предстоящих операциях противника.

б) Быстрая ориентировка в создавшейся обстановке.

в) Принятие с самого начала правильного решения вопроса в принципиальном отношении: при слабом сопротивлении с фронта, прочно удерживать фланги. Эта идея была настойчиво и определенно проведена в течение всей операции.

г) Быстрое сосредоточение даже разрозненных частей и энергичный переход ими в наступление в направлении установленной идеи операции.

д) Как результат всего этого—захват в свои руки инициативы и достижение поставленной задачи: отбросить Красную Армию к ее первоначальному положению.

Нельзя не заметить, что еще большее сосредоточение сил со стороны поляков, а главным образом, более энергичное наступлнеие их флангов, могло бы поставить Красную Армию в крайне тяжелое положение, с риском быть окруженной и отрезанной от реки Березины. Намеки на это видны в действиях поляков, но, очевидно, что у них не хватило ни уменья, ни силы воли, чтобы довести эту идею до желанного для них конца.



На пассивных участках Запфронта.*)

В течение довольно долгого времени, начиная с 1 ноября 1919 года почти вплоть до последнего нападения Польши, Западный фронт, на участке одной из наших Армий, считался пассивным.

Ему уделялось очень мало внимания и мы держались чисто оборонительного образа действий.

В связи с этим сил у нас было здесь сосредоточено очень мало и те располагались весьма редкой и растянутой линией, так что на участок в 30 верст приходилось едва 400 штыков. Боевая работа обоих сторон на этом участке выражалась исключительно в поисках отдельных разведывательных партий.

Действия поляков были направлены, главным образом, на борьбу с нашей артиллерией, причем ставилось целью захват батарей. И надо сказать, что им это в достаточной мере удавалось, по причинам, о которых будет речь ниже.

За период времени с ноября 1919 года по май 1920 года имело место около 20 случаев пленения противником расположенных на позиции наших батарей. Обстоятельства, при которых происходило это пленение, всякий раз имели одни и те-же сходные черты, что позволяет предположить систематическое осуществление известного плана борьбы с нашей артиллерией.

Характерными особенностями случаев пленения были:

а) захват батарей являлся как бы самостоятельной операцией, за которой не следовали дальнейшие агрессивные действия;

б) факты пленения батарей на 95% имели место на участке протяжением всего около 100 верст, главным образом ($^4/_5$ всех случаев) в одной из наших Армий.

Это обстоятельство указывает на то, что здесь мы имеем дело не с общераспространенным методом уничтожения не-

*) Материалы для настоящей статьи любезно предоставлены Инспектором артиллерии Запфронта.

приятелем наших батарей, а с местным приемом, выработавшимся в силу индивидуальных свойств данного участка, или занимавших его войск.

Для иллюстрации этих случаев захвата нашей арттиллерии, приводим два типичных примера.

I. Захват 1-го взвода 2-ой батареи 3-го легкого артиллерийского дивизиона N стрелковой дивизии.

Взвод 2 батареи 3 лёгкого артиллерийского дивизиона N стрелковой дивизии занимал позицию около дер. Гарнева (схема № 1), имея в прикрытии взвод с пулеметом 9 роты 471 стр. полка, расположенный к Ю.-З. от Гарнева, у д. Котиева, на противоположном берегу речки без названья.

В 2—4 вер. впереди взвода проходило пехотное расположение 2 батальона 471 полка, выражавшееся в сторожевых

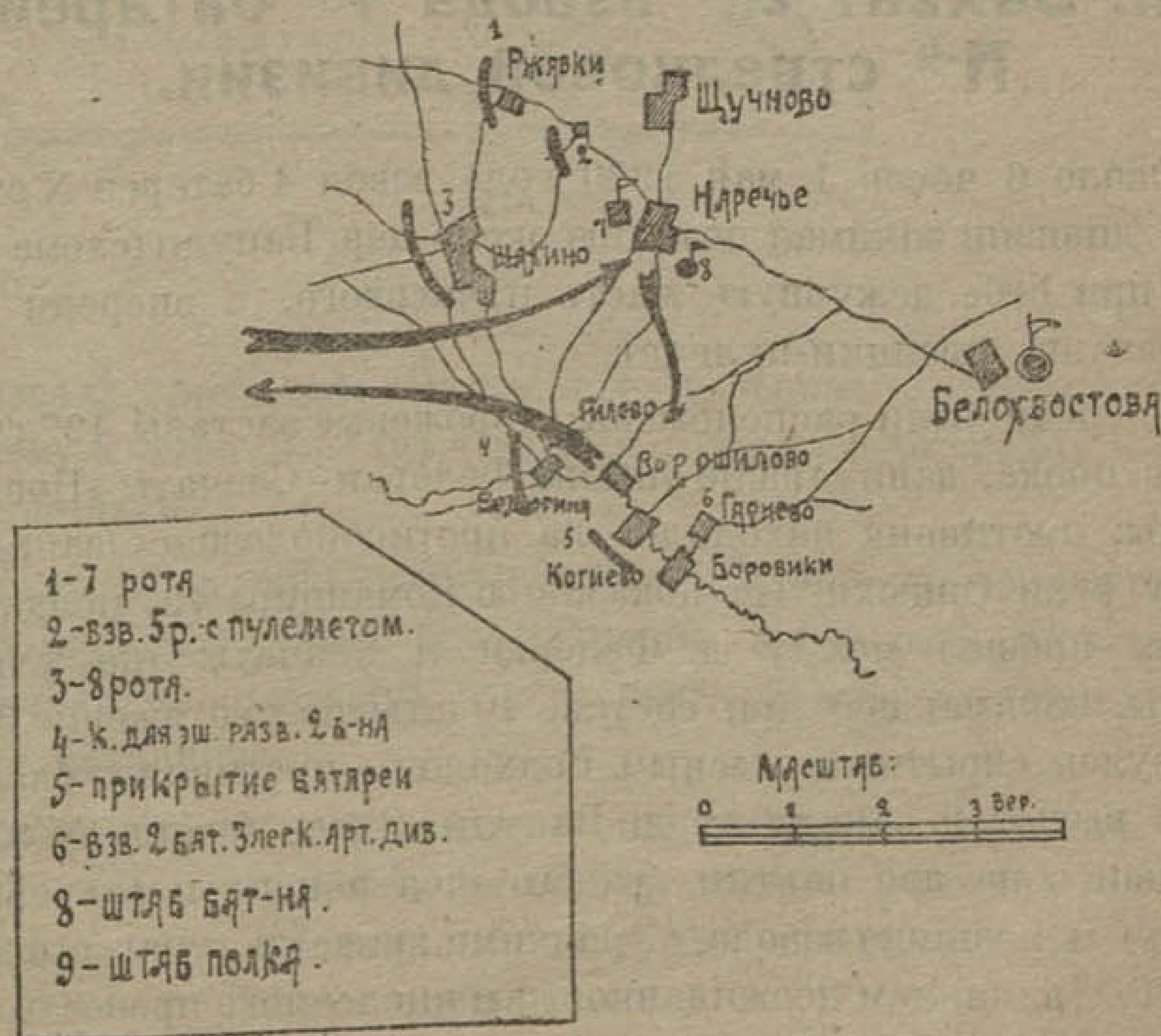


Схема № 1.

заставах силою во взвод—роту, которые занимали линию Ржавки—Шахинцы—Ведюгина—Юханова (на схеме не показано).

В ночь на 2 ноября 1919 года противник, пользуясь знанием пропуска, проникнул через линию нашего сторожевого охранения, (по показаниям некоторых очевидцев между деревнями Шахинцы и Ведюгина; по другим сведениям он прошел в 20 вер. южнее) и, пройдя к С.-В. в дер. Наречье, рассеял стоявший там штаб 2 баталиона 471 стрелкового полка. После этого, повернув на юг, он снял посты и часовых и атаковал батарею. Силами явившихся с противником ездовых и орудийной прислуги, орудия были надеты на передки, запряжены и увезены неприятельскими ездовыми. С орудиями было уведено 2 лица командного состава, 59 красноармейцев и 21 лошадь; кроме того, с позиции были увезены снаряды на повозках. Маршрут уходивших был Гарнево-Ворошилово и на Изборск (на схеме не показано). Сила нападавших определяется в 200 человек при 2 пулеметах; из них на позиции взвода было около 60 человек.

II. Захват 2-го взвода 4-й батареи N-й стрелковой дивизии.

Около 6 часов 1 мая 1920 года взвод 4 батареи N стрелковой дивизии занимал позицию около дер. Вапули (схема № 2), имея при себе дежурную часть и часового, а впереди правого фланга позиции-пулемет.

Впереди были расположены сторожевые заставы 427 стрелкового полка, занимавшие линию Федорки—Сенчаты—Новики—Дылны; противник находился на противоположном (западном) берегу реки Синюхи. По показанию Командира 427 полка противник прошел между д. Федорки и Сенчаты (на участке 5 роты, занимавшей при составе 40 штыков протяжение 6 вер. Пользуясь скрытным лесным подходом, противник благополучно вышел к западу от д. Вапули. Здесь (схема № 3) разделившись на две партии, рассыпался в цепь и атаковал д. Вапули и позицию взвода, с громкими криками „ура“ и стрельбой. Под влиянием неожиданности и численного превосходства противника, дежурная часть и караул принуждены были отступить.

Противник на руках втащил орудия в деревню и стал запрягать в них обаммуниченных ранее, по приказанию коман-

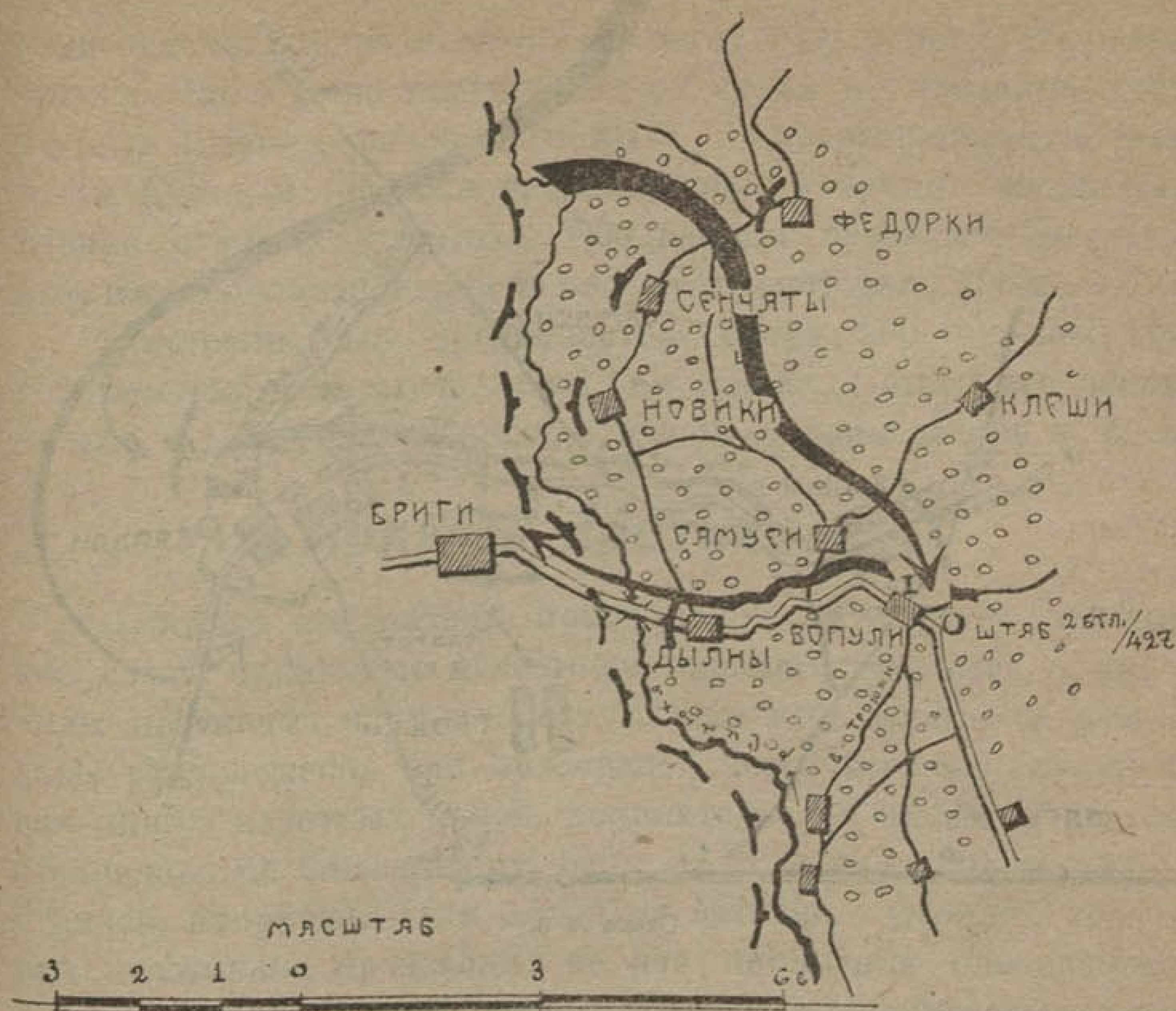


Схема № 2.

дира взвода, лошадей. Часть его рассеялась по деревне, врывалась в дома и захватывала в плен находившихся в них красноармейцев.

Обращает на себя внимание осведомленность неприятеля, который прекрасно знал расположение коновязей, читальни, квартиры начальствующих лиц и даже фамилии командиров взвода и баталиона.

Хозяйничанье противника в дер. Вапули продолжалось около часа. За это время Командир полка, услыхав шум и предположив, что противнику, отступая, неминуемо придется пройти чрез д. Дылны, собрал около 50 человек 3-го баталиона, занимавшего позиции к югу от дороги Вапули-Дылны, и занял с ними последнюю. В то-же время из дер. Трошки появилась полурота 6 роты с пулеметом, направлявшаяся к С., с целью отрезать путь отступления противнику. Последний

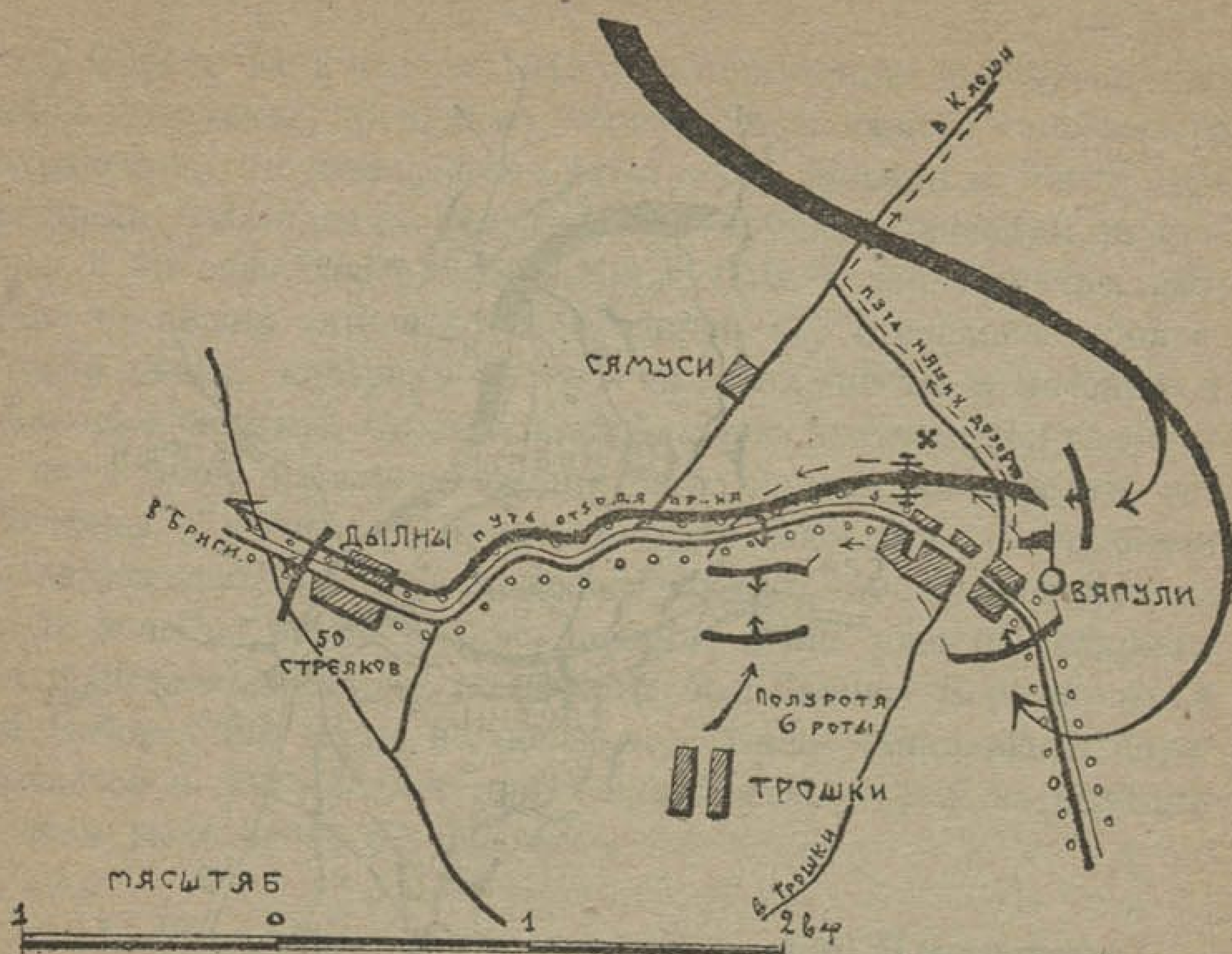


Схема № 3.

быстро собрал взвод и отбил наступление 6 роты, после чего направился по большой дороге на запад. Собранные командиром полка силы, будучи в несколько раз слабее противника численно и, уступая ему в вооружении, так же не могли оказать сопротивления. Рассыпавшись на правом (восточном) берегу реки Синюхи в цепь, неприятель, под прикрытием ружейного и артиллерийского огня, пытался перевести орудия на свою сторону, но это ему не удалось, т. к. мост оказался проломленным на середине; тогда противник наскоро сколотил плоты, на которых и было перевезено захваченное имущество; лошади-же были переведены вброд. После этого отступила и неприятельская цепь.

Расположенная в д. Дылны пехота, при содействии подоспевшего 1 взвода 4 батареи, не дала разведке противника испортить брошенные на мосту орудия. Ночью наша пехота пыталась увести их на канатах, но дальше моста убрать не могла, т. к. канаты оборвались.

Узнав об этом, командиры полка и батареи решили спасти орудие на руках. Неприятель открыл по мосту мино-

метный огонь, повредивший в одном орудии люльку. Начинало светать. Надо было торопиться, но люди не решались подступить к мосту, опасаясь потерь. Тогда красноармеец 4 батареи Куликов бросился вперед и снял с орудия замок. Противник огня не открывал. Ободренные примером Куликова стрелки поползли вперед и на руках вытащили пушки.

Противник был численностью около 200 человек при 4 пулеметах и не менее, чем 10 автоматах. Потери его заключились в 1 раненом офицере. С нашей стороны потерь не было.

Приемы противника.

Действия неприятеля, приводившие к захвату орудий, как можно судить по известным приемам, рисуются в таком виде: противник начинал наступление небольшими силами на наше расположение или пробирался через него скрытно; прорвав линию пехотных цепей, неприятельская партия распространялась по ближайшему тылу и, разбившись на несколько отрядов, направлялась к одной из батарей. Обойдя последнюю, противник производил на нее нападение одновременно с флангов и тыла (никогда с фронта), сопровождавшееся интенсивной стрельбой и криками „ура“.

Вследствие скрытного приближения, внезапности появления и неожиданного направления атаки, наша артиллерия оказывалась не в силах дать отпор и доставалась в руки неприятеля без потерь для последнего, после чего и увозилась им.

Таким образом, меры охранения и обороны, если они даже и принимались, не могли дать полезных результатов, ибо направление их не совпадало с линией действий противника. Попытки с нашей стороны увезти орудия неизменно терпели неудачу вследствие того, что самый факт пребывания неприятельской партии в тылу батареи отрезало ей пути отступления и исключало возможность подачи передков. Наличие же обаммуниченных лошадей только облегчало противнику вывоз орудий в свою сторону.

Убрать батарею заблаговременно часто оказывалось невозможным, вследствие малого промежутка времени, протекавшего с момента получения известий о приближении неприятеля до начала атаки. Просьбы о помощи, направляв-

шиеся к ближайшим полкам обыкновенно запаздывали, вследствие перерезывания телефонных проводов.

При этом обращают на себя внимание следующие особенности действий противника:

1) Противник пользовался всяким замешательством, или нарушением у нас нормального хода жизни, происходившим во время или после боя, в период подготовки к нему, при перегруппировках и т. п., т. е., всегда, когда бдительность наших частей ослабевала вследствие утомления, или сосредоточения на другом вопросе.

2) Противник весьма старательно учитывал свойства местности и особенности боевого расположения, производя налеты на участках, обеспечивавших скрытное продвижение по нашему тылу и неожиданный выход к батарее, пользуясь малочисленностью пехоты, выдвинутым расположением батарей и даже таким трудно уловимым фактом, как прохождение единственного пути отхода батареи по узкому дефиле.

3) Нападение производилось не обязательно на участке, ближайшем к месту стоянки захватываемой батареи; в некоторых случаях партия противника проходила по нашему тылу значительные расстояния, достигавшие по собственным (возможно, умышленно преувеличенным) показаниям до 20 верст.

4) Указанные обстоятельства заставляют предположить производство весьма основательной, предварительной войсковой разведки и агентурного сбора сведений, что подтверждается так-же наблюдавшимися фактами, когда противнику были известны не только расположения телефонных проводов и станций, места стоянки передков и пр. детали позиций, но даже фамилии командиров батарей и др. лиц командного состава. О том же говорят безошибочность движения противника в нашем тылу: часто, несмотря на ночную тьму, широкое использование свойств местности и перерывов связи в самый горячий момент боя.

Большую помощь приносило противнику также содействие со стороны части местных жителей благожелательно к нему настроенных.

5) Пользование лесами, складками местности, ночной темнотой (свыше половины налетов было совершено ночью), бы-

строта движения, наконец, стрельба и шум поднимавшиеся при атаке, указывают на стремление действовать на психику: поразить и приковать неожиданностью. Как увидим ниже, в расчете на значение этих элементов противник не ошибся.

6) С целью помешать пехоте притти на выручку артиллерии, полки связывались демонстративными атаками на близлежащем участке фронта, или неожиданными нападениями на штабы полков, пехотные обозы, вспомогательные команды и т. п.

7) Согласованность действий достигалась, видимо, точным расчетом движения; сигналом начала атаки часто служил пуск ракеты.

Для нападения, несомненно, выработалась специфическая организация отряда. Откидывая в сторону некоторые показания, основанные на ошибочном восприятии под влиянием волнения, численность нападавших можно определить в 200—250 человек. На вооружении состояли пулеметы (2—6) автоматические ружья (5—10), ручные гранаты, винтовки, револьверы и ракеты. Личный состав слагался из непосредственно боевых единиц и вспомогательных, в состав коих входили артиллерийские ездовые для увоза орудий и повозки для доставки мелкого трофейного имущества. Последние появлялись после того, как только опасность серьезного противодействия с нашей стороны, по возможности, параллизовалась. В тех немногочисленных случаях, когда целью налетов являлся не увоз материальной части, а вывод ее из строя, численность отряда не превышала 70—80 человек при этом-же вооружении и 1—2 повозках. В состав их, в таком случае, также входили артиллеристы, что явствует из той легкости и быстроты, с какими с орудий снимались замки и вынимались панорамы. В целях увеличения скорости движения, налетчики иногда появлялись на крестьянских подводах. Имеются указания на то, что налеты производились командами постоянного состава, содержавшимися исключительно для этих целей.

Наши недостатки.

Рассматривая материал, имеющийся по данному вопросу, нельзя не заметить также ряд отрицательных особенностей, проявленных с нашей стороны. К числу их относятся:

1) Во всех случаях нападения противник пользовался растянутым положением пехоты, при котором, по показаниям участников операции, 380 штыков занимают участок в 30 верст; при этих условиях батареи оказываются расположенными позади редкой цепи полевых караулов, не могущих представить серьезного препятствия на пути партии противника численностью в 200—250 человек.

2) При такой ненадежной защите, артиллерия, часто вовсе не имеет прикрытия от пехоты, или последнее применяется, но неудачно. К тому-же, при численности атакующего свыше 200 человек с 4—6 пулеметами и до 10 автоматов, придаваемые батареям взводы в 10—30 человек (только один раз прикрытие достигало 70 человек), вряд-ли могли помешать противнику в его намерениях.

3) Параллельно с этим предварительная подготовка общевойсковых и артиллерийских начальников оказывается не всегда на должной высоте. Вследствие этого артиллерии пред'являются требования не соответствующие ее свойствам: то она сосредоточивается и получает задачи прежде выработки общего плана действий, то ставится в условиях, заведомо затрудняющих отход в случаях неудачи, среди трудно проходимых дорог впереди непроходимого болота на берегу озера, то перед ней оказывается непропорционально слабый заслон—численно более слабый, чем артиллерия; наконец, организация обороны артиллерии никогда не выходит за пределы „части" в 200-300 штыков, т. е. носит преуменьшенно узкие размеры, точнее—плана действий для защиты батарей нигде не видно.

Аналогичные явления наблюдаются и в действиях артиллерийских начальников. Позиции выбираются без надлежащей оценки их свойств: передки располагаются далеко, или за препятствием; пути отхода предварительно не разведываются; ближайшее охранение не выставляется (60% всех случаев) или выставляется неправильно (30%); бдительность его совершенно недостаточна, и в результате противник ни разу не был замечен ранее, чем в 30—50 шагах от батареи.

Пулеметы часто ночуют в избах, а не находятся на позициях; при попытках оказать сопротивление—патронов оказывается недостаточно, и стрельба не наносит противнику вреда.

4) Общности действий с пехотой и прочной связи нет. В лучшем случае имеется одиночный телефонный провод легко рвущийся, или перерезаемый. Семафорная сигнализация и связь ординарцами не практикуется; на позициях дежурных конных для доставки донесений на случай перерыва связи не имеется.

5) В нескольких случаях противнику известен пропуск.

Заключение.

Из приведенных фактов можно заключить, что помимо недостатков или промахов отдельных лиц или частей, главной причиной захвата наших батарей—являлось кордонное расположение пехоты, при котором батареи оказывались прикрытыми только линией сторожевого охранения. При этом, в распоряжении пехотных начальников, вследствие несоответствия сил с протяжением участка, не оказывалось не только маневренного резерва, но даже и простого сторожевого. К тому-же прикрытие, численностью в 10—30 человек, или части, насчитывавшие 300—400 штыков и имевшие широкие самостоятельные задачи, не в силах, конечно, создать кулака, который необходим для отражения партии противника силой в 200—400 человек.

Таким образом, кордонное расположение, по существу своему есть боевая форма, открывающая широкие возможности для прохода противника в тыл и в частности—для захвата артиллерии.

В данном случае захват противником артиллерийских частей был лишь одним из последствий, правда, наиболее заметным, общей ошибки всего расположения, которая в свою очередь, проистекала, прежде всего, от неуменья высшего командного состава правильно поставить задачу войскам и во время исправить ошибки исполненья.

При защите широких фронтов могут быть два случая:

1) Защита более или менее сильной оборонительной линии;

2) Прикрытие участка местности не имеющей никакой естественной преграды.

Как в том, так и в другом случае кордонное, растянутое и разбросанное расположение не достигает никакой цели,

кроме изнурения войск, подрыва дисциплины и подготовки собственного поражения.

Более или менее значительную оборонительную линию (напр. непроходимую в брод реку) можно защитить, имея небольшие силы, именно по свойству этой линии, которая не допускает внезапного прорыва противника в сколько-нибудь значительных силах в любом направлении.

Поэтому дело сводится к зоркому наблюдению течения реки, к особому постоянному наблюдению за местами удобными для устройства переправы и дальнейшего движения противника, к постановке у таких мест застав или авангардов, к расположению резервов позади их, в узлах путей и к организации тайной разведки на неприятельском берегу и всех возможных способов связи на нашем.

Это есть определенно оборонительное расположение, отвечающее обороне реки на таком-то участке и требующее хотя и не больших сил, но все же уж не таких, как сотни штыков, на десятки верст.

Но могут быть случаи, в особенности в условиях современной войны, когда приходится назначать очень небольшие силы, например, полк пехоты с другим родом войск, на участок местности в 20—30 верст, при том без всякой оборонительной линии.

Спрашивается: какую ему можно поставить задачу и как ее исполнить?

На практике, в недавнем прошлом, к которому относится настоящая заметка, дело сводилось к тому, что командир полка, получив задачу оборонять или охранять такой-то участок, делил его на батальонные участки, а батальонные командиры на ротные участки; затем распределяли по участкам очень мелкими частями конницу и артиллерию, и на том успокаивались.

Устав соблюден, ответственность возложена на кого следует, а дальше, будь, что будет.

Всякую неудачу можно ведь оправдать недостатком сил, разброской войск и потерей связи, раз только действительно дается слишком мало сил на большом участке.

Но все эти рассуждения неверны, а по отношению к войскам и боевым задачам прямо-таки преступны.

Все дело в том, *что очень больших участков с очень небольшими силами нельзя ни оборонять, ни охранять по формам указанным в Полевом Уставе.*

Их можно только *прикрывать*, как прикрывались, например, участки границы в период мобилизации и сосредоточения, в начале войны в прежнее время, при национальных войнах. Получив такую задачу, войска должны:

1) вести разведку, 2) препятствовать безнаказному продвижению войсковой разведки противника, или с небольшими отрядами проникать в глубину нашего расположения с целью нападения на штабы, склады, жел. дорогу и т. п. в глубине нашего расположения.

Они могут также с своей стороны вести поиски и ударные нападения с целью собрать сведения о противнике, отвлечь на себя его силы, ослабить противника или просто лишить его покоя.

Иногда такие поиски могут иметь целью захват каких-нибудь складов и запасов, или уничтожение и порчу железно-дорожных сооружений, или захват артиллерии и т. п.

Общий способ действия прикрывающих войск может состоять примерно в следующем:

Узлы важнейших дорог занимаются авангардами, отрядами (боковыми для связи, сторожевыми) или отдельными заставами.

Такие отряды назначаются, если надо, сверх того, для обеспечения особенно важных пунктов, складов и т. п.

Главные силы располагаются в нескольких группах, в узлах дорог, иногда при железных дорогах. Назначение их: непосредственно прикрывать эти узлы, а также поддерживать и сменять передовые части.

Особого внимания заслуживает расположение артиллерии: ее следует распределить побатарейно или повзводно по тем авангардам, отрядам и заставам, где нужна более упорная оборона; часть артиллерии—иметь при главных силах для той же цели и для придачи подвижным резервам. Большая ошибка оставлять артиллерию слишком близко к противнику при мелких отрядах и заставах.

Для прикрытия железных дорог назначаются бронепоезда и особые железно-дорожные войска из всех родов войск; за

недостатком таких войск могут быть назначены полевые, обученные специальной службе. На всех важных жел.-дорожных сооружениях располагаются посты или караулы.

Пути охраняются и осматриваются дозорами.

На станциях располагаются резервы с готовым для движения подвижным составом. Более сильные резервы располагаются в важных жел.- дор. узлах.

Для прикрытия железных дорог параллельных фронту выставляется, по возможности, кавалерийская завеса, на расстояние не менее перехода, или выдвигаются конные части, поддержанные пехотой.

Охранение прикрытого участка не может быть непрерывным на всем протяжении.

Стремление к такому охранению, при общем недостатке сил, приводит к разброске войск, к их изнурению, к одинаковой слабости охранения во всех пунктах, даже важнейших, к слабому надзору за войсками, к невозможности их обучения и к целому ряду, связанных с этим, вредных последствий, как это имело место в приведенных выше случаях.

К непрерывному охранению можно, а иногда необходимо прибегать, чтобы ввести в заблуждение противника, заставить его ожидать наступления в значительных силах, но такая мера годится лишь на короткое время.

Надо заранее считаться с тем, что охранение не будет непрерывным, а нападения противника будут всегда возможными.

Ввиду этого необходимо:

1) К стороне противника выслать *подвижное* охранение раз'ездами, дозорами и наблюдательными постами, выставляемыми только днем на местах с широким кругозором.

2) Широко развить *тайное охранение* (контр-разведку), которое должна иметь правильную организацию.

3) Во всех авангардах, отрядах, заставах, в главных силах, в расположении всех штабов, управлений и учреждений иметь *непосредственное* охранение, при том,—*со всех сторон.*

4) В более значительных отрядах, авангардах и главных силах, иметь на готове *подвижные резервы* (дежурные части, по возможности, конные или для движения на подводах).

5) Расположение каждого из отрядов, авангардов и застав должно быть *прикрыто заграждением и укреплено со всех сторон*, чтобы они могли выдержать нападение более значительных отрядов противника до подхода резервов.

Особенное значение при организации прикрытия имеет устройство связи. Все отряды, до самых мелких, должны быть между собою, так или иначе, связаны.

От этого зависит своевременность получения сведений о появлении и действиях противника, успешность быстрой взаимной поддержки и вообще успешность всего прикрытия.

Насколько возможно, должна быть всюду установлена телеграфная и телефонная, достаточно охраняемая, связь, при том, по возможности, по двум-трем направлениям, хотя бы кружным путем.

Кроме того, во всяком случае, должна быть связь летучей почтой, по возможности, при помощи автомобилей, мотоциклетов, самокатов, конная или на повозках, притом также по нескольким направлениям.

Наконец, широкое применение должна получить оптическая (световая) и звуковая сигнализация: ракеты, вехи, костры, колокольный звон.

Нападение на противника надо производить не снимая частей охранения из главных сил. Лучше это делать особыми, специально укомплектованными, отлично организованными и хорошо снабженными всем необходимым ударными отрядами, чтобы по возможности, обеспечить успех и избежать неудачи, (это, очевидно, и было организовано у поляков).

Вообще же, прикрывающие части должны быть проникнуты духом активности, решительности и смелости, как при нападении, так и при обороне; в противном же случае—пассивность, которая была у нас, как это можно судить,—помимо отмеченных выше недостатков,—всегда будет приводить к печальным последствиям, так как она является сама по себе фактором разлагающим.



Е. Татарченко.

Красная авиация на Зап. Фронте.

Подводя итоги боеработы Красной авиации Западного фронта за 3 месяца с начала активных операций на фронте, следует отметить, что и по количеству боевых полетов, по числу часов боевой работы, сбитых самолетов противника, и по необыкновенному под'ему духа,—чему множество примеров,—авиация Запфронта превзошла все результаты, достигнутые когда-либо на всех других фронтах Советской России.

За трехмесячный период налетано больше 1500 часов, совершенно более 1000 боевых полетов, сбито 4 польских самолета, несколько выведено из строя, сброшены сотни пудов бомб и агитлитературы. Награждено орденом Красного Знамени шесть летчиков, представлены к ордену четверо, многие награждены золотыми и серебряными часами, денежными выдачами и пр. Один орден Красного Знамени вручен лично т. ТРОЦКИМ. Катастроф со смертельным исходом произошло 6. При этом нужно иметь виду неполноту этих данных, так как в разгар боевых действий некогда заниматься статистикой.

Что же дала Красная Авиация фронту? Самый лучший отзыв, в данном случае,—это отзыв врагов. В мае месяце у польского офицера, убитого в бою у дер. Микулевичей, найден приказ польского командования по 3-й армии от 13 мая № 84693, в котором находим такой отзыв о нашей авиации: *„неприятельская авиация оказала в последних боях громадные успехи. За последнее время участились воздушные бои, сбрасывание бомб в важных пунктах нашего тыла и интенсивная авиоразведка“.*

Из опросов жителей занятых нами местностей, из показаний пленных польских летчиков и др. источников устанавливается, что необычайные успехи Красной Армии на польском фронте, являющиеся, вообще говоря, результатом множества факторов, порядка физического и морального, не

в малой степени зависят и от удачных действий Красной Авиации, как в момент подготовки мощного удара, так и в первые дни начавшегося отступления поляков.

Взвешивая все обстоятельства, так или иначе повлиявших на конечный весьма внушительный эффект действий Красной Авиации и, определяя их относительную важность, приходиться признать, что необыкновенный под'ем духа летного состава и правильное сосредоточение авиосредств с применением новой формы их об'единения, сыграли решительную роль.

При сосредоточении авиосредств, одним из самых важных моментов был учет расположения неприятельских авиационных сил. В соответствии с этим и некоторыми другими требованиями боевой обстановки были созданы новые организационные формы соединений нескольких авиационных отрядов и решительно проведен принцип массирования, как авиационных, так и истребительных средств. Не находя возможным в данное время более подробно излагать те основные положения, которые заложены были в основу упомянутых организационных форм, нужно отметить, что достигнутые успехи вполне определенно доказывают их жизненность и полную целесообразность. Опыт последних операций раз навсегда осудил, во первых, несбыточное и нетребуемое обстоятельствами стремление „обнять необ'ятное"—придать каждой дивизии свой авиационный отряд,—в результате чего получалось самоочевидное распыление, ослабление и разбрасывание своих сил, а во-вторых—осудил также организацию каждого отдельного отряда. Авиотряд, являясь самостоятельной хозяйственно-административной единицей, во имя ложно-понимаемой „гибкости и подвижности", по существующему положению, снабжен слишком незначительным штатным количеством самолетов и летчиков, не имея в то же время достаточного обоза для самостоятельного передвижения и тем самым прикован к железной дороге. Тогда как создание отряда со штатным количеством самолетов не менее 10--12 при одном административном аппарате, занимая лишь один эшелон, вообще экономя во всех отношениях, позвляет произвести боевой эффект, эквивалентный по крайней мере трем авиотрядам нынешнего состава.

Боевые действия Красной авиации развивались в такой последовательности:

1) Подавление воздушного флота противника, захват господства в воздухе.

2) Подготовка наступления наших войск, путем разведки и фотографирования.

3) Воздействие на психику неприятельских войск.

4) Активное содействие пехоте и др. родам оружия при наступлении и служба связи.

5) Пассивное содействие войскам: распространением агитлитературы.

Воздушные боевые действия, сразу же начавшиеся по открытию военных действий против бело-поляков, вписали не одну блестящую страницу в историю Красного воздушного флота. Первые победы на всем польском фронте были одержаны в воздухе и именно на Западном фронте. Эру необычайных последующих побед Красной Армии открыли красные военные летчики Ширинкин, Сапожников, Буров, Кузин, Петров и Соболев, награжденные за блестящие воздушные бои орденами Красного Знамени.

Энергично проведенная воздушная кампания, ряд жестоких воздушных боев по всему фронту, нападение на неприятельские аэродромы, дали нам полную инициативу и господство в воздухе. Возможность такого оборота дела, принимая во внимание техническое превосходство польской авиации в смысле качества, количества самолетов и безпрерывности снабжения всем необходимым из стран Антанты, об'ясняется высоким, исключительным под'емом духа красных летчиков, убежденностью в правоте защищаемого дела, словом—общим нравственным превосходством. Моральный же элемент в авиации—все. Поэтому какой нибудь дрянной старенький Ньюпор с героем-летчиком приводил в трепет и обращал в бегство двухсотсильный Спад с дрянным летчиком.

В результате господства в воздухе весь наш тыл, в период подготовки мощного удара, со всеми передвижениями наших войск был закрыт для белого польского командования. Громадное значение этого факта многие не дооценивают, а между тем, благодаря только ему, стало возможно, что поляки проглядели все перегруппировки наших войск и наш

удар в июле был для них полной неожиданностью, так как они сами собирались начать наступление.

Путем авиаразведок, фотографирования, дешифрирования фотоснимков и нанесения на карту точного расположения окопов, проволочных заграждений, блиндажей, батарей, пулеметных гнезд, выяснением пунктов накапливания крупных сил противника, проверкой предположений штабов о передвижении пр-ка в том или другом направлении, авиация создала для командования в высшей степени благоприятные условия для наступления. Многократные групповые полеты целых эскадрилий с целью бомбометания и пулеметного обстрела производили громадное моральное, угнетающее впечатление на польские войска. На наши же войска и население налеты действовали в высшей степени ободряюще, поднимая боевой дух, демонстрируя мощь и организованность Красной Армии. Масштаб налетов и число единовременно-сброшенных бомб (107 шт.) являются рекордом в Красной авиации. Кроме полетов целых эскадрилий, налеты отдельных самолетов все время поддерживали в рядах противника напряженную нервную настороженность, являющуюся одним из самых благоприятных психических состояний для создания паники. Организованные групповые налеты эскадрилий производили сильное впечатление и оставляли такой неизгладимый след в памяти, что впоследствии достаточно было появиться,—как напр. в Смолевичах,—только двум нашим самолетам, как на громадной территории воцарялась паника: эшелоны спешно увозились со станции, обоз, конница попрятались в лесу, легионеры, жители укрылись в канавах и погребах. Словом, от появления наших двух самолетов жизнь у пр-ка замерла на полчаса.

При учете воздействия авиации на психику воина, нельзя не удивиться, насколько мало разработан вопрос вообще о роли морального элемента в современной войне, и в частности о терроризировании противника, развитии страха во враге и целесообразное его использование. Несмотря на всеобщее признание преобладающей важности этого элемента в общей совокупности признаков, определяющих боеспособность части, никто и никогда не занялся психологией толпы и организованных человеческих масс с утилитарной точки зрения для использования на войне. Если войне суждено еще сущес-

твовать, то необходима особая военная наука „устрашение“ как особый отдел этой психологии масс. Авиация безконечно больше, чем какой-либо другой род оружия, способна влиять на душевное состояние людских масс и здесь открываются безграничные горизонты для ее применения. Несколько эпизодов из майской и июльской операций показывают, что даже при небольших авиосредствах возможно достигать необыкновенных результатов, резко ставящих вопрос о переоценке относительной важности различных родов оружия. Были случаи, что пара самолетов заставляла молчать целую батарею в течении чертверти часа, разгоняла всю прислугу с нее; один самолет разогнал целый эскадрон, а эскадрилия в 10 самолетов остановила атаку и разсеяла целую кавалерийскую бригаду, т. е., фактически 20 человек летчиков обратили в бегство несколько сотен хорошо вооруженных людей.

Групповые налеты и налеты отдельных самолетов при наступлении нашей пехоты, или кавалерии чрезвычайно облегчали выполнение задач, возложенных на эти рода оружия. Нужно впрочем сказать, что задача непосредственного содействия своим атакующим войскам была первым в русской авиации опытом использования ее сил в этом направлении. Поэтому вследствие новизны дела для войскового командования не все результаты, достигнутые авиацией, были использованы и закреплены.

Здесь необходимо особенно отметить серьезное отношение и правильное понимание возможностей и способов применения авиации со стороны высшего командования фронта. Этого никогда раньше не наблюдалось и, в данном случае, такое явление составляет отрадное исключение.

Немаловажную роль сослужила авиация в период стремительного наступления наших войск, давая указания в каком состоянии находятся мосты и переправы по пути наступления. Служба связи также дала несколько выдающихся полетов: были перелеты по 2 часа при непрерывном дожде, полеты с доставкою важных бумаг из Штаба фронта в Полештарм и обратно в течение 6 часов.

За все время операций авиация распространила колоссальное количество агитлитературы, сбрасывая тысячи и десятки тысяч листовок при каждом полете, с какой бы прямой

целью он не производился. Классовый характер войны делает воздушную агитацию мощным оружием в руках Красной Армии. Отлично составленные с убедительными доводами прокламации и брошюры, систематически распространяемые среди неприятельских войск, способны дать больший результат, чем целые сотни орудий, изрыгающие свои железные доводы и кровавые силлогизмы.

* * *

Из краткого и беглого обзора действий авиации на западном фронте видно, что она даже при несовершенном своем состоянии, при весьма тяжелых условиях снабжения дала: вопервых, колоссальную работу, заслужив тем самым почетное название „Красной", а во-вторых,—показала необходимость более широкого внимания к себе, чем это было до сего времени, как со стороны высшего командования Красной Армии, так и со стороны Рабоче-Крестьянского Правительства.

Авиация, эта удивительная, красивая победа неукротимого человеческого духа и изощренной человеческой изобретательности над природой, развивается заграницей с быстротой сказочного богатыря—не по дням, а по часам. Вчера еще,—всего десять лет назад,—почтенная комиссия ученых экспертов должна была прилечь на землю, чтобы определить летит, или катится по земле вновь сконструированный аэроплан, а сегодня—какой-нибудь заграничный авиатор ставит рекорд высоты $10^1/_2$ верст.

Вчера еще восторженная публика носила на руках авиатора, пролетевшего благополучно пару верст на 2 метра от земли, а сегодня мы читаем в заграничных газетах о благополучных перелетах через Атлантический Океан, о конкурсе на кругосветный перелет маршрутом 40.000 верст!...

Реккорд скорости достиг 360 верст в час., а пассажиро-под'емность дошла до 60 человек, % катостроф понизился с 80% до 0,02%.

Бюджеты авиоведомств росли в геометрической прогрессии так же, как и количество летчиков, самолетов, моторов, рабочих на заводах, и т. п. В Англии, например, с 1914 года по 1918 год число самолетов возросло с 166 до 21.000, число летчиков с 285 до 30.000 человек, мощность моторов с 50—80 HP до 1000 HP.

Эти цифры уже без особых доказательств говорят о том колосальном значенни, какое авиация приобрела для армии заграницей. Вывод великой европейской войны таков: в современной войне победит тот, кто господствует в воздухе. Всем, вероятно, памятны налеты тысяч самолетов „союзников“ на немецкое расположение. И кто будет отрицать великую роль авиации в потрясении немецких нервов, крепость которых, по мнению Гинденбурга, единственный залог победы.

Русская авиация к сожалению делеко отстала от заграницы. Она с самого начала ее существования попала в неблагоприятные условия для своего развития. Общая техническая отсталость царской России, неудовлетворительная организация, плохие руководители сильно задержали развитие нашей авиации и поставили ее в безусловную зависимость от западно-европейской промышленности.

Во время европейской войны наши „союзники“ снабжали нас разным хламом, браком своих заводов, устаревшими типами самолетов и мы все время на год тащились в хвосте авиационной техники. Приходилось утешаться лишь похвалами в геройстве наших врагов—немецких летчиков, неоднократно выражавших в сбрасываемых нам письмах удивление, что русские летчики решаются летать на фронте на такой дряни.

В русской авиационной промышленности появились предприниматели, часто вовсе чуждые авиации без знания, умения, и любви к делу. В погоне за барышами, поддерживаемые заказами и авторитетом высокопоставленных акционеров, они строили, раз заладив, какую-нибудь систему, не заботясь о том, что она давно устарела. Последовавшая после октябрьской революции стихийная демобилизация, немецкая оккупация и „союзническая“ блокада, полоса перелета летчиков к нашим врагам—представляли картину полнейшего распада царской авиации, первобытного хаоса, в котором едва, и то лишь для проницательных и дальновидных глаз, намечались контуры порядка.

В таком виде Советская Власть получила авиацию. Нужна была громаднейшая творчески-организационная, разнообразнейшая идейная работа, чтобы из ультра-индивидуалистического, артистократического по традициям рода оружия, создать

нынешний, преданный Рабоче-Крестьянскому Правительству Красный воздушный флот, личным составом которого может гордиться Красная армия. Каленое железо пролетарской Революции прошло сверху до низу по всему воздушному флоту. Все негодное выжжено, осталось крепкое, здоровое, жизнеспособное ядро-кадр будущего Великого Красного Воздушного Флота Р. С. Ф. С. Р.

Высшее командование Красной Армии, в ясном понимании своих задач и учете сил и средств страны, не должно умалять значения авиации. Должно возможно скорее оценить ее, **как наиболее мощный современный род оружия.** Необходимо отказаться от взгляда на авиацию, как на подсобный, и не незаменимый род оружия, и на летный состав, как на авантюристов, скрытых белогвардейцев и заговорщиков, в чем грешат некоторые особые отделы. Красная Авиация должна занять в Красной Армии и в Р. С. Ф. С. Р. подобающее ей место. Она доказала свою преданность Рабоче-Крестьянскому Правительству своей героической работой на фронте, свою жизнеспособность, справившись с помощью устаревших, негодных типов самолетов с противником, технически ее превосходящим, восполняя недостаток техники и снабжения одной лишь своей доблестью. Надо, чтобы эта доблесть соединилась с отличной техникой, хорошим снабжением, тогда Красная Авиация даст примеры того, как можно в воздухе решать судьбу сражений и всей войны.

Необходим ряд срочных государственных мер по поднятию авиапромышленности нашей и специального технического образования на высоту, равную современному уровню. Необходима широкая популяризация идеи великого значения авиации путем выставок, спортивных кружков, журналов, газетных статей и т. п. Нужно извлечь из народной среды своих „великих разумом Невтонов“ в авиации, надо всемерно поощрять изобретения в авиации, дать научные силы рационально-поставленному высшему социально-авиационному, научно-учебному учреждению. Если недостает у нас пока своих ученых и инженеров, не жалеть средств привлечь их из-за границы. Отказаться от многих, но плохо оборудованных авиазаводиков, создать небольшое число, но отлично оборудованных, мощных государственных авиазаводов, с аэролабора-

ториями, аэродромами, с руководителями действительно понимающими дело, нужно предпринять тысячи других мер, голословное перечисление которых здесь неуместно, а подробное изложение составит содержание многих статей. Словом, только для достижения цели великой по своему значению для страны вообще, и в особенности для армии, не нужно жалеть **решительно никаких средств**, ни материальных, ни духовных, даже в период колоссальной хозяйственной разрухи и за счет, может быть, некоторых родов оружия. Что-бы там ни говорилось, но на авиацию наша Центральная Власть все-же смотрит в духе новейшей пословицы: „Мыло, духи и авиация—предметы роскоши“. Многие подумают, конечно, что дать теперь мощную авиацию Красной Армии, да еще за счет других родов оружия, это все равно, что одеть пролетария в цилиндр за счет его скудной одежды и небогатого вооружения, а на самом деле—это значит сдать в музей ненужные ему щит, пращу и самострел и дать в руки современную винтовку и пулемет.

Все затраты на авиацию, как бы велики они ни были, окупятся сторицей и все потраченное для военных целей, не в пример другим родам оружия, не пропадает даром также и для мирного, культурного применения.



Библиография.



М. Тухачевский.

Инвалидное дело.

Закрытие тов. Троцким журнала „Военное Дело" вызвало на страницах „Известий Наркомвоен" целый ряд статей.

Журнал „Военное Дело" сам по себе был настолько плох, что стыдно, собственно говоря, и писать о нем, но так-как за этим журналом скрывается и та нездоровая почва, на которой он вырос, то приходится все-таки несколько остановить на нем свое внимание.

Автор статьи „Стыдно" в № 154 „Известий Наркомвоен", с болью переживая кончину „Военного Дела", совершенно убежден в том, что этот журнал сделал большое дело. Автор указывает на те страстные дебаты, на те острые вопросы, которые были затронуты в журнале.

Редакция газеты, как это можно заключить из ее примечания, также склоняется на сторону автора „Стыдно".

И правда, время от времени в „Военном Деле" вспыхивали „страстные" споры. Но только что это были за споры! Ведь и схоласты в средние века вели самые страстные диспуты на тему о том, сколько может уместиться ангелов на острие иголки, а еще более острые диспуты вели Никон с Аввакумом о том, сколькими пальцами надо креститься.

Эти споры не малому числу людей стоили жизни, но зато в науке они не оставили никакого следа, кроме разве добродушной улыбки у потомков.

„Военное Дело" сыграло такую же, если не более жалкую, роль.

Советская Россия окружена со всех сторон непримиримыми врагами—буржуазными государствами.

Начинается ожесточенная гражданская война, которая быстро принимает размеры большой маневренной войны. Армии возникают и выковываются на самых фронтах. Продвигаясь, они комплектуются и снабжаются за счет армий противника, за счет его территории, привлекая родственные классы.

Сражения происходят на фронтах громадного протяжения, хотя армии численностью своей вовсе не так велики. Перво-

начальные бои зачастую носят затяжной характер, зато после известного напряжения сил одна из армий разлагается и начинается стремительный откат.

Самосоздание и самокомплектование армий в боевых операциях вызывает в полевых штабах совершенно новый круг деятельности. Штабная работа приобретает новый характер.

Для военного специалиста, казалось бы, нельзя и вообразить более увлекательной эпохи. Стратегические формы последней империалистической войны резко изменяются и многие военные специалисты, работающие на фронте, не могут найти об'яснения боевой действительности гражданской войны.

Казалось бы, что „Военное Дело“ должно взбухнуть до колоссальных размеров, исследуя эти новые формы, сопоставляя их со старыми, изыскивая руководящие правила, создавая доктрину гражданской войны.

Но увы! „Военное Дело“ о гражданской войне даже не писало (не считая нескольких отрывочных статей, почти всегда принадлежавших не военспецам, или случайным сотрудникам). „Военное дело“ было занято бесконечным перепечатыванием немецкого полевого устава, „Военное Дело“ читало лекции о вреде и пользе крепостей, „Военное Дело“ писало об Александре Македонском, Наполеоне, Мольтке, писало о Гинденбурге и о русских генералах, но оно не заметило, что пока оно все это писало, разразилась и разрослась до громадных размеров гражданская война в России, принявшая скоро характер борьбы русского пролетариата с империалистской Антантой.

Наши старые военспецы, сотрудники журнала „Военное Дело“ оказались инвалидами.

Олег Леонидов, в статье: „Странный оазис“, видимо совершенно огорошенный содержанием этого архаического журнала, заподозрил его чуть ли не в белогвардейщине. Но куда там до белогвардейщины! Белогвардейщина предполагает людей энергичных, предприимчивых, мужественных, но эти белогвардейцы-не у нас. Они были у Деникина, Колчака, а теперь у Врангеля. Нет, сотрудники „Военного Дела“—это инвалиды старой войны, отставшие от жизни и не знающие современного военного дела в условиях революционной вооруженной борьбы, охватывающей ныне всю Европу. Они уже не военные специалисты—они *бывшие* военные специалисты.

Мне думается, что если собрать десятка два самых дряхлых генералов и посадить их в богадельню, отрезав вовсе от внешней жизни, то они, скучая и живя старческими воспоминаниями, вероятно, от нечего делать стали бы издавать военный журнал и этот журнал был бы сколком с „Военного Дела".

Военные писатели всегда и всюду были офицерами современных им армий.

А так ли это с сотрудниками „Военного Дела"? Вот в том-то и заключается корень зла этого злополучного журнала, что сотрудники его в эпоху войн Красной Армии небыли красными офицерами. Они не знали и не знают быта Красной Армии, они не знают ее традиций, они не живут ее интересами, не увлекаются ее победами. Они сидят в Москве, вздыхают и поминают в бозе почившую старую царскую армию, ее победы и поражения. Это касается подавляющего большинства сотрудников „Военного Дела".

Очень жаль, что в центре долго не слушали голосов с фронта и слишком долго дали жить „Военному Делу". Жалко также и то, что журнал покончил свое существование не за то, что был мертвым и вредным наростом на развивающейся военной науке, а как на зло—погиб из-за политического промаха одного из сотрудников. Это как бы затушевывает научную несостоятельность „Военного Дела" в наши дни.

Очень жаль также, что тов. Троцкий, закрыв этот журнал, не предпринял ничего по отношению к его сотрудникам. А ведь среди них есть талантливые люди и, если их приблизить к Красной Армии, то многие из них еще справятся с теорией гражданской войны.

Необходимо обновить мыслящий военно-научный центр. Надо собрать в Москву военных специалистов прошедших школу гражданской войны, а старых военно-научных руководителей выслать на фронт обучаться делу красного офицера.



Ф. Огородников.

„Стратегия классовая и национальная".

(По поводу брошюры М. Н. Тухачевского).

Не так давно вышла из печати брошюра: „Стратегия национальная и классовая", представляющая собой лекцию, читанную М. Н. Тухачевским в Красной Академии Генерального Штаба.

Появление этой брошюры безусловно заслуживает быть отмеченным, если считаться с полным почти отсутствием исследований по одному из самых важных и интересных вопросов военной науки и военного искусства в наши дни, каким является вопрос разбираемый в данной брошюре.

Исследование М. Н. Тухачевского не претендует на исчерпывающее решение затронутых им вопросов, а лишь в кратких и общих чертах намечает как-бы вехи, по которым следовало-бы пойти в путь исследования того „нового" в стратегии, которое родилось несомненно в колоссальной борьбе классов, свидетелями которой мы являемся.

Настоящий критический отзыв также не берет на себя разрешения вопросов, затронутых М. Н. Тухачевским.

Он не берет на себя даже задачи с исчерпывающей полнотой разобрать интересные и глубокие замечания и выводы автора, но, подобно ему, и, как бы отвечая на его замечания, он стремится поставить вехи для дальнейших, более обстоятельных исследований.

Вступление.

Стремясь установить особые принципы или, вернее, приемы гражданской (классовой) войны, удобнее вывести эти приемы первоначально из предположения, что противник, по тем или другим причинам, не может применить других приемов, например национальной или империалистической (Наполеоновской) стратегии, находясь сам в положении „восставшего" или „подавляющего восстание". Но это еще не значит, что

те же приемы необходимы и достаточны для борьбы со всякого рода противником.

Важно именно проверить, насколько выведенные указанным способом приемы войны пригодны для борьбы с национальными и империалистическими армиями, для чего необходим другой угол зрения.

Характерные условия классовой войны.

Наиболее характерные особенности классовой войны могут быть выведены из следующих условий:

1. Совпадение подготовки к войне с военными действиями: формирование и комплектование армии, мобилизация, составление планов войны и планов операций, стратегическое развертывание, инженерная подготовка и пр. в значительной мере производятся уже с началом военных действий и во время их развития.

2. Чрезвычайная ширина военно-политических задач, которые могут быть установлены почти в мировом масштабе. В связи с этим чрезвычайная широта военно-административных расчетов (наприм. в смысле источников комплектования и снабжения) и стратегических планов.

3. Особое военное значение политических задач и условий, которые могут оказать непосредственное воздействие на выбор операционных направлений (жизненные и мертвящие центры).

4. Богатство массовых средств и недостаток техники и специальной подготовки.

Подготовка к войне, план войны.

Подготовка к классовой войне, в действительности, в значительной мере, совпадает с развитием военных действий, но это не означает, что так и должно быть.

Широта предстоящих задач требует также широкой предусмотрительности (управлять—значит предвидеть).

Политические, экономические, географические, этнографические, бытовые и иные условия должны быть приняты в расчет при военно-административных и военно-оперативных соображениях.

Это тем более возможно, что многие из этих условий заранее известны.

Может быть стеснена и ограничена самая подготовка, т. е. приведение планов в исполнение, но не замысел, не расчеты и соображения, которые могут быть сделаны заблаговременно.

Ограничение подготовки также не может считаться безусловным.

Тесная связь и даже определенная зависимость военных действий от политических условий требует, в особенности, известной политической подготовки, как внутренней, так и внешней.

Такое же значение имеет экономическая и, наконец, специально-военная подготовка. Совершенно верно, что классовая борьба возникает, в действительности, с недостатком технических средств и знаний. С этим приходится считаться.

Но надо стремиться к тому, чтобы этот недостаток, по крайней мере, не переходил известных пределов, без чего в наш век борьба в международном масштабе может сделаться слишком трудной. В прежние времена как вооружение, так и управление массами было много проще, чем теперь.

Техника и знание обладают свойствами подчинять себе массы, независимо от классовых чувств и мыслей.

Общие способы и средства.

Классовая война, именно за диктатуру пролетариата, может иметь неисчерпаемый источник для формирования и пополнения армии в массах пролетариата.

В этом ее сильная сторона, на которую должна опираться стратегия.

Как общие способы ведения войны, так и частные военно-административные и оперативные задачи должны быть направлены к тому, чтобы извлечь из этого положения все выгоды.

Общий способ войны действительно должен быть основан на широком приобщении новых масс к армии „восставшего", на постоянном расширении военной мощи, как стихии.

Военно-административные соображения должны иметь в виду широкое комплектование армии родственными классами и широкое пользование местными средствами.

Стратегия должна иметь в виду „жизненные“ направления, которые могли бы усилить ее массовые средства и расширить задачи и возможности. Она должна извлекать выгоды из возможности расширения и продвижения своих баз (сокращение тыла).

Но нельзя упускать из виду некоторых невыгод и затруднений для таких широких размахов.

Развитие действий в сторону „наименьшего сопротивления“ может вовлечь в трудные положения и не дать выгод, которые соединены с более медленными, но более решительными и более опасными для противника операциями.

Политическое состояние масс изменчиво. Кроме политических (классовых) соображений могут иметь весьма важное, иногда решающее, значение определенные экономические, географические и технические условия (железные дороги, речные и морские пути).

Расчеты на местные средства с трудом поддаются поверке; для пользования ими надо иметь хорошую организацию.

Политическая обработка населения до такой степени, чтобы влить его в Армию, требует времени. Наконец, может сказаться недостаток технических средств.

Для преодоления такого рода затруднений можно иметь в виду два способа: один, более методический,— последовательным преодолением каждого из затруднений усиленными мерами воздействия, другой, более решительный,—переносом борьбы в другие более благоприятные и еще более „жизненные“ условия. Второй способ неизбежно должен вызвать дальнейшее расширение задач и театра войны, чтобы сделать прежние, менее выгодные направления,—второстепенными и одновременно растянуть и ослабить противника, вовлечь его самого в несвойственные ему условия „классовой“ стратегии.

Такая „классовая“ стратегия *для того, кто может ею воспользоваться,* опираясь на широкие массы, может дать почти неограниченную возможность делать главное второстепенным и жертвовать этим второстепенным для другого главнейшего.

Широкие размахи-это принцип „классовой“ стратегии.

Особые приемы „классовой“ стратегии.

Наиболее характерные приемы „классовой“ стратегии выражаются в занятии широких фронтов, в активности действий, в быстроте движений. Однако же в применении всех этих начал нельзя слишком уклоняться от принципов „общей“ стратегии, не рискуя подвергнуться тяжелым неудачам.

На второстепенных фронтах может быть „кордонное“ расположение, но оно должно иметь определенную задачу. Это не „оборона“, но „прикрытие“ пограничной полосы, обеспечение от проникновения конницы, ударных отрядов, разведывательных частей противника, борьба с тайной разведкой и враждебной агитацией, поддержание полезной агитации, приобщение масс к классовой борьбе, проведение определенной диктатуры.

Такое расположение может быть кордонным лишь до известной степени.

Оно должно иметь вид „группового“ расположения в важных центрах и узлах с хорошо организованной разведкой, подвижным и непосредственным охранением, широко и прочно поставленной связью, с подвижными резервами, с хорошо организованными ударными частями для активных действий. Население должно быть привлечено к сказанию поддержки и соответственно организовано.

С переходом в решительное наступление должны быть сосредоточены значительные силы с тактической плотностью в зависимости от обстановки. Наступать кордоном нельзя. Наступление в одну линию по полкам (небольшого состава), а тем более по батальонно, может привести к разбросу сил и неопродолимым трудностям в управлении.

Фланги наступательной группы должны быть также обеспечены не кордоном, но достаточно сильными колоннами и отрядами.

Чтобы не делать глубоких колонн и сохранить свободу маневрирования и быстроту развертывания в боевой порядок, можно двигаться „по-эшелонно“ по одной дороге или уступами, в шахматном порядке.

Но в общем движение будет неизбежно приближаться к формам национальной тактики, хотя степень этого приближения может быть весьма различная: в таких стратегических

условиях, когда можно уклониться от встречи с противником значительной тактической плотности или представить ему временный успех, чтобы развить действие на других направлениях,—можно держаться „классовой" тактики, в противоположных условиях при встрече с ним придется обратиться, подобно ему, к приемам „национальной" тактики, в условиях такой „тактической плотности", которая была бы не меньше, чем у него, как этого требует старый принцип сосредоточения сил к решительному пункту в решительную минуту.

Оборона в „классовой" стратегии несомненно представляет особенно трудную и неблагодарную задачу. Это в особенности касается длинных и укрепленных *линий*. Но и оборона *позиций*, при возможности охватов и обходов, при чувствительности войск к такого рода действиям противника, также невыгодна.

Но отсюда еще нельзя сделать вывода, что оборона вообще бесполезна и должна быть неразрывно связана с отступлением, хотя бы заранее обдуманным и расчитанным.

При широте размаха „классовой" стратегии, отступления могут не иметь такого определенного отрицательного значения, как в „национальной" стратегии. При тех же широких размахах, при постоянных расширениях театра войны, при обращениях „главного" во „второстепенное", при отыскании другого „главнейшего" направления, при широте возможных пожертвований в территории, которая не имеет такого значения, как в „национальной" борьбе, эти отступления и отходы в „классовой" стратегии чаще, чем в „национальной" могут иметь значение преднамеренных стратегических маневров, хотя бы и не так искуссно и планомерно проведенных, как марши и контр-марши опытных стратегов национальной стратегии.

Но все же возводить их в принцип, *вместо* обороны было бы рискованно.

На целом, широком участке „кордонного" расположения оборона была бы не целесообразной, но даже при кордонном расположении отдельные группы должны обладать известной устойчивостью, иногда во что бы то ни стало. Соответственно нужна инженерная подготовка для обороны во все стороны.

При более плотном расположении, оборона не только не бесполезна, но иногда и необходима.

Наступление также не может развиваться на всех путях с одинаковым напряжением и, во всяком случае, неразрывно связана с устойчивостью войск.

При самых решительных и смелых наступательных действиях могут также образоваться участки обороны.

Безусловный вред имеет лишь пассивная оборона, неподвижное ожидание атаки, как угодно противнику.

Стратегия „классовая" и „национальная".

Каждая стратегия должна развивать и выставлять свои сильные стороны и усовершенствовать и уклонять слабые.

Сильные стороны классовой стратегии:

1) Сочувствие масс, моральная и материальная их поддержка, возможность массового увеличения бойцов, постоянный приток свежих сил.

2) Меньшая, чем в „национальной" стратегии, зависимость от территории, возможность использовать жизненную территорию, где бы она ни находилась.

3) Широкая возможность политической подготовки.

4) Облегчения в пользовании местными продовольственными и транспортными средствами.

Слабые стороны и затруднения:

1) Недостаток технических средств и специальной подготовки.

2) Недостаток организованности.

3) Недостаток времени для подготовки операций.

Слабые стороны национальной стратегии:

1) Ограниченность благоприятных условий пределами национальной сплоченности или пределами национального господства.

2) Ограниченность политической подготовки условиями внутренней „классовой" организации.

3) Ограничения или затруднения в пользовании местными средствами.

Не следует однако упускать из вида, что империалистическая (Наполеоновская) стратегия, опираясь на средства

империи или на союзы нескольких национальных государств, в отличие от узко-национальной стратегии, по первому из названных пунктов располагает более широкими благоприятными условиями.

Сильные стороны „национальной“ стратегии:

1) Технические средства и специальная подготовка.
2) Организованность.
3) Возможность широкой заблаговременной подготовки.

Борьба классовой стратегии с национальной.

В борьбе с национальной стратегией, классовая стратегия должна, опираясь на политику, извлечь всевозможные выгоды из своих широких средств, стремясь ослабить невыгоду из разбросанности и придать планосообразность их использованию. В оперативном отношении это может выразиться в развертывании на широких, охватывающих фронтах, чтобы заставить противника растянуть и разбросать свои силы и получить выходы на широкие и более свободные пути. Эти пути, или операционные направления, должны выводить в „жизненные“ центры и районы.

Одновременно надо создать борьбу в тылу противника, развивать все средства для нанесения вреда основным источникам его военной силы, ослаблять его военную организацию пропагандой. Чтобы не распылять сил в этой борьбе, надо придать ей планосообразный характер, войти в связь с „восставшими“, оказать им поддержку.

Для проведения известной политики для новых пополнений и для использования местных средств надо иметь заранее подготовленные аппараты.

Даже в тех случаях, когда общая задача будет носить оборонительный характер,—надо наступать.

Образ действий на избранных для наступления операционных направлениях будет зависеть от образа действий противника, с которым надо очень считаться даже имея на своей стороне значительное превосходство: искусный маневр и крепкий удар по чувствительному месту, даже сравнительно небольшими, но хорошо организованными силами, может опрокинуть все расчеты и поставить в трудное, иногда безвыходное положение.

На направлениях через „жизненные“ районы, на которых „классовая стратегия“ не может встретить противника в значительных силах, можно двигаться быстро, широким фронтом, со смелыми обходными движениями.

Но даже и в этом случае надо не терять из вида обеспечения флангов и тыла.

Действуя на направлениях, на которых можно встретить значительные силы противника, приходится держаться, по крайней мере в первое время, принципов „национальной“ стратегии.

К этому, само собой, приводит сосредоточение значительных сил на сравнительно менее широком, а иногда и узком, фронте.

Является движение глубокими колоннами, по бригадно или целыми дивизиями, или движение по одной дороге значительными эшелонами.

Сосредоточение значительных сил на сравнительно небольшом пространстве требует подвоза и прочной организации тыла.

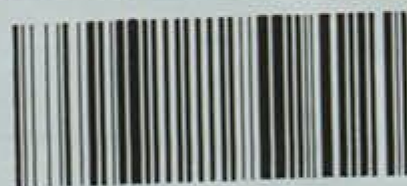
Целью действий будут уже не „жизненные районы“, а живые силы противника, что может заставить направиться в „мертвящие“ районы.

Все это в особенности важно в первый период действий „прорыва кордона“ или удара во фланг противника, до тех пор, пока его живой силе не нанесено сокрушительного удара.

Особенное значение имеет выигрыш фланга противника и обеспечение своих флангов. В этом смысле наступление должно иметь широкий фронт, хотя и не сплошной, фланги могут быть обеспечены самостоятельными группами. Все действия должны носить активный, подвижный характер. Задержка должна вызвать перегруппировку и активные действия на другом направлении. Удача должна вызывать безотвязное, широкое преследование. Перелом в выгодную сторону создает настоящую стихию „классовой“ стратегии, в области которой она может развернуть все свои сильные стороны.



Редактор: Редакционная коллегия.


B000000 1829 180